

ЧОУ ВО Институт управления
Ивановский филиал

С.М. Усманов

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ЭПОХИ РЮРИКОВИЧЕЙ: ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, УРОКИ ПРОШЛОГО

***Учебное пособие
спекурса по отечественной истории***

*При подготовке учебного пособия использованы средства
государственной поддержки, выделенные в качестве гранта
в соответствии с распоряжением*

*Президента Российской Федерации от 01.04.2015 № 79-рп
и на основании конкурса, проведенного Обществом «Знание» России»*

Иваново 2016

ББК 63.3(2)4

У75

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор, заведующий
кафедрой истории и литературы Шуйского филиала

ФГБОУ ВПО «ИвГУ» В.П. Океанский;

кандидат исторических наук, доцент кафедры
всеобщей истории и международных отношений

ФГБОУ ВПО «ИвГУ» И.А. Буданова.

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ЧОУ ВО «Институт управления»*

Усманов С.М. Отечественная история эпохи Рюриковичей: люди, события, уроки прошлого: Учебное пособие спецкурса по отечественной истории/Под общ. ред. д. ист. н., проф. А. А. Федотова – Иваново, 2016. – 104 с.

Предлагаемые в данном специальном курсе лекции и другие материалы не претендуют на подробное систематическое рассмотрение всех этапов и важнейших событий отечественной истории эпохи правления династии Рюриковичей. В них поставлены лишь наиболее важные, на наш взгляд, проблемы, обрисованы наиболее значимые персонажи отечественной истории, выделены переломные моменты исторического процесса в нашей стране с IX по XVI столетия. Учебное пособие подготовлено в рамках реализации проекта «Формирование новой модели патриотического образования и воспитания в России».

ISBN 978-5-8382-0769-2

© С.М. Усманов, 2016

Аннотация:

Предлагаемые в данном специальном курсе лекции и другие материалы не претендуют на подробное систематическое рассмотрение всех этапов и важнейших событий отечественной истории эпохи правления династии Рюриковичей. В них поставлены лишь наиболее важные, на наш взгляд, проблемы, обрисованы наиболее значимые персонажи отечественной истории, выделены переломные моменты исторического процесса в нашей стране с IX по XVI столетия. Автор исходит из той основополагающей предпосылки, что наша история дает для этого много назидательного и утешительного, но вместе с тем немало предостерегающего и вразумляющего. Предметом нашего внимания будут, прежде всего, человек и государство в историческом процессе. Человек – главным образом в его самосознании, а потом уже и в результатах поведения. Другой объект особого внимания в данном курсе – Российское государство, вне которого невозможно существование русского и других народов нашего Отечества. В курсе подчеркивается, что изучение богатейшего исторического наследия России может поставить немало важных вопросов о ее судьбе, приблизить нас к их пониманию и разрешению. Предполагается использование учащимися уже имеющихся знаний и представлений, полученных ранее в школьные годы, а также в последующем обучении и самообразовании. Этот потенциал может быть существенно восполнен и усилен с помощью рекомендованной к занятиям литературы

Ключевые слова:

Русское государство, эпоха Рюриковичей, человек в истории, люди и события, уроки истории.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУРСА

История Отечества является одной из необходимых учебных дисциплин в любом образовательном проекте. Постижение истории России во многом способствует складыванию и упрочению мировоззренческих основ личности, укреплению ее духовно-нравственных основ, воспитанию патриотизма. История России дает для этого много назидательного и утешительного, но вместе с тем немало предостерегающего и вразумляющего.

Однако изучение отечественной истории по сравнению с другими предметами имеет немаловажные отличия. Постижение истории Руси в контексте исторической традиции не может преимущественно основываться на анализе развития «производительных сил», «становления класса феодалов», «методов эксплуатации трудящихся» и т. п. особенностях общественного развития нашей страны, что было столь характерным для преподавания истории в советской средней и высшей школах в недавнем прошлом. Не могут быть в центре нашего внимания и деятельность «выдающихся реформаторов», складывание «среднего класса», «распространение ценностей свободы и гуманизма» что столь волнует немалое число наших современников. Не эти черты и подробности отечественной истории являются для нас главными.

Предметом нашего внимания будут, прежде всего, русский человек и русское (российское)

государство. Человек - главным образом в его самосознании, а потом уже и в результатах поведения. В этой связи в центре нашего повествования будет формирование и развитие «русской идеологии» (архиепископ Серафим Соболев) на основе православной веры, а наряду с ней и противоборствующих течений. Что же касается хозяйственной деятельности, народных обычаев, подробностей быта и нравов, то они в нашем изложении будут на втором плане. А, значит, очерчены бегло с целью обрисовки фона. Здесь предполагается использование учащимися уже имеющихся знаний и представлений, полученных ранее в школьные годы, а также в последующем обучении и самообразовании. Этот потенциал может быть существенно восполнен и усилен с помощью рекомендованной к изучаемым темам литературы.

Другой объект особого внимания в данном курсе – Российское государство, вне которого невозможно существование русского и других народов нашего Отечества. Своеобразие и значимость государства Российского во многом представляет еще загадку и для исторической науки, и для многих наших современников. И все же изучение богатейшего исторического наследия России может поставить немало важных вопросов о ее судьбе, приблизить нас к их пониманию и разрешению.

Следует иметь в виду, что предлагаемые в данном пособии рассказы в конспективном изложении не претендуют на подробное систематическое рассмотрение всех этапов и важнейших событий отечественной истории. В них поставлены лишь

наиболее важные, на наш взгляд, проблемы, обрисованы наиболее значимые персонажи отечественной истории, выделены переломные моменты исторического процесса в нашей стране.

Для дальнейшей работы над темами после каждой лекции, а также в конце пособия предлагаются списки источников и литературы. Их использование предполагает критическое отношение учащихся. Возьмем для примера рекомендуемую в числе других книгу известного ученого О. В. Творогова. В ней наряду с ценным фактическим материалом встречаются и существенные неточности в описании ряда событий государственной и церковной жизни, оставлены без внимания некоторые важные обстоятельства нашей истории. Так, в перечне событий только XI века автор не упоминает об основании в начале 50-х годов Киево-Печерского монастыря, о перенесении мощей князя Бориса и Глеба в 1072 г. (ставшем важным государственным актом, особо отмеченным в летописях), об открытии мощей преподобного Феодосия Печерского в 1091 г.

Многие глубокие мысли, ценные наблюдения и соображения о русской истории мы найдем в трудах выдающихся церковных деятелей и подвижников благочестия, в частности митрополита Иоанна (Снычева), архиепископа Серафима (Соболева), архимандрита Константина (Зайцева). Хотя они и не являлись профессиональными историками и не ставили перед собой задачи углубленного систематического анализа тех или иных конкретных проблем, тем не менее, горячая вера, мудрость и любовь к Родине этих истинных пастырей может

помочь и нам в открытии новых путей и подходов постижения отечественной истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архиепископ Серафим (Соболев). Русская идеология.* СПб., 1992.
2. *Митрополит Иоанн. Самодержавие Духа.* СПб., 1994.
3. *Архимандрит Константин (Зайцев). Чудо русской истории // Литературная учеба.* 1994. № 2.
4. *Пушкарев С. Г. Обзор русской истории.* М., 1990.
5. *Семенчикова Л. П. Россия в мировом сообществе цивилизаций.* Брянск, 1999.
6. *Творогов О. В. Древняя Русь: События и люди.* СПб., 1994.

ТЕМА 1

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

История России очень сложна. Многие ее пути и перепутья, подъемы и спады, неожиданные повороты, триумфы и трагедии до сих пор остаются недостаточно понятыми и изученными. Постигнуть в истории России ее сущность — задача непомерно тяжелая не только для верхоглядов, но и для многих великих умов, выдающихся личностей, чьи блестящие успехи оборачивались в конце концов полными провалами именно из-за нечувствия России. Такого рода судьбы и обстоятельства нередко приводили иных мыслителей или просто наблюдателей к самым мрачным оценкам

достижений и способностей русского народа, а также его государственности. Не раз говорилось, например, о «несчастье» родиться в России, в том числе со ссылками на имена крупнейших представителей русской культуры — будь то Пушкин, Чаадаев или Достоевский. Многие русские интеллигенты XIX века включая Белинского, Герцена, Добролюбова, Чернышевского, Владимира Соловьева, Льва Толстого представляли себе и другим Россию как «темное царство», содрогались от «ужасов самодержавия».

Даже после российской катастрофы 1917—1922 гг. немалое число сказавшихся за границей русских эмигрантов все еще оставалось под впечатлением такого рода представлений. Особенно ярко выразил это настроение один из известных авторов Русского Зарубежья Георгий Петрович Федотов. Он утверждал, что в своей истории Русь проявляет себя «безмысленной», «бессловесной», оцепеневшей в «страшной немоте», хотя и не лишенной внутренней красоты. И потому Г. П. Федотов уподоблял Русь немой девочке, которая «так много тайн видит своими немymi глазами», но высказать их не может.

Однако именно в эмиграции, увидев Россию со стороны, русские люди, интеллигенты старого закала начали вникать в подлинную историю своего Отечества, всматриваться в «лицо России». И убеждаться в собственном историческом невежестве, незнании и непонимании своей страны. Пожалуй, лучше других это выразил известный писатель Борис Зайцев в кратком «Слове о Родине»: «Никак нельзя сказать, чтобы у нас, у просвещенного слоя, воспитывалось тогда чувство России. Скорей считалось оно не вполне умест-

ным. Нам всегда ставили в пример Запад. Мы читали и знали о Западе больше, чем о России и относились к нему почтительнее. К России же так себе, запанибрата. Мы Россию даже мало знали. Многие из нас так и не побывали в Киеве, не видали Кавказа, Урала, Сибири. Случалось лучше знали древности, князей Рима, Флоренции, чем Московский кремль». Почти то же самое еще короче выразил намного раньше Николай Васильевич Гоголь: «Велико незнание России посреди России».

Поистине, мы, выражаясь словами Пушкина, «ленивы и нелюбопытны» к истории своего Отечества и в наше время. Хотя интерес к родной истории в нашей стране все же растет. Удовлетворение такого интереса как раз и составляет одну из главных задач предлагаемого курса отечественной истории. Важно, чтобы здоровое в своей основе стремление к узнаванию и самопознанию в собственной истории не искажалось бы недостоверными рассказами, плохими книгами и фильмами, а то и злонамеренными измышлениями разного рода ненавистников России.

Вот почему в нашем курсе мы обращаем внимание на подлинные первоисточники по отечественной истории: памятники русского права (что само по себе корректирует распространенное заблуждение о России как стране извечного произвола и беззакония); речи, поучения и письма русских царей и князей; постановления соборов Русской Православной Церкви и послания ее иерархов; русские летописи (по богатству и разнообразию имеющие очень мало равных себе среди исторических хроник и сказаний других народов); всевозможные «слова», наставления, «моления»

и другие памятники богатейшей письменной традиции Руси. Очень интересны также былины, сказки и другие источники, открывающие внутренний мир русского человека ушедших эпох (например, берестяные грамоты, отражавшие дела и каждодневные чаяния простолюдинов Новгорода Великого и других мест на севере Руси). Наконец, ценнейшая группа источников по русской истории — жития русских святых, в течение долгого времени являвшиеся любимейшим чтением и духовно-нравственным образцом русских людей самых разных сословий. Посильное знакомство с некоторыми из этих источников, научение основам обращения с ними и их понимания видится одной из немаловажных задач нашего курса.

Не будем предрешать сейчас результатов поисков и открытий, ожидающих учащих в изучении тех или иных тем, событий и процессов российской истории. И все-таки в качестве постановки вопроса предложим несколько соображений о характерных особенностях русской истории, как они выражены и обоснованы некоторыми выдающимися подвижниками, мыслителями и историками. Думается, их можно сформулировать всего лишь в двух положениях: российская история есть прежде всего зарождение и развитие «русской идеологии» и царской власти. Но для осмысления данных особенностей стоило бы иметь в виду, что и сама русская история во многом чудо (архимандрит Константин (Зайцев). А в своем идеале, глубинном внутреннем настрое Россия — «Святая Русь». «Русская идеология», как подчеркивал архиепископ Серафим (Соболев) состоит в православной вере и в «жизненном ее усвоении»: «Православная вера, воспринятая от

крещения детского, простого душою русского человека, сделалась его основой, объяввши всю его жизнь, во всех ее проявлениях. Русский народ усвоил православную веру не умом только, как теоретическую доктрину, а всем своим сердцем, как главное правило своей жизни».

Вместе с тем, развитие русского народа было связано не только с утверждением в православии, обретением целого ряда особенностей и черт православной «русской идеологии». Но также и в том, что архиепископ Серафим определял как «отступление от веры» в ходе разного рода противоречивых процессов в XVIII—XX вв. И здесь можно усмотреть много своеобразных ситуаций, состояний, а то и катастроф, в которых действующие лица могли обращаться во что-то подобное «опавшим листьям» (выражение писателя Вас. Вас. Розанова).

Неповторимые черты и очень существенное значение имеет также становление в истории России царской власти. Стоило бы обратить внимание на то, что в развитии русской государственности (а, значит, и царской власти) есть два отправных момента, имеющих всемирно-историческое значение. Первый из них связан с отпадением от Православной Церкви латинского Запада в X—XI веках. Как раз в указанный период утверждается русская государственность, поступательное развитие которой привело в конце данного периода к Крещению Руси, что подытожило самоопределение нашей страны в мире Христианства. И едва ли кто-то будет оспаривать огромную роль в таком выборе великих киевских князей, особенно равноапостольных Владимира и Ольги.

Второй отправной пункт в развитии русской государственности совпадает по времени с концом «Второго Рима», т. е. с падением Константинополя в середине XV века. Именно в то время Русь, объединенная уже вокруг Москвы, окончательно освобождается от татарского ига и превращается в могучее государство. Разумеется, совсем не случайно параллельно с возвышением Москвы резко усиливается на развалинах «Второго Рима» Османская империя, мусульманский султанат, раскинувшийся в стране трех континентов. Однако Русь продолжала не только собственные уже имевшиеся прежние заделы, но и наследовала имперский «византизм». Монархия, развитие которой завершилось официальным оформлением царской власти и русского патриаршества во времена Иоанна IV и его сына Феодора, представляла собой качественно более высокий тип власти, нежели прежнее великое княжество, что и проявлялось в таинстве миропомазания царя патриархом. Как отмечал профессор М.В. Зызыкин, царская власть выросла из Церкви и выражала не волю народа, а его мирозерцание. И потому царская власть представляет не народную волю, а христианский идеал и, следовательно, ту высшую силу, которая и создала этот идеал.

В свою очередь, тенденции к «отступлению от веры» деформировали и ослабляли также и царскую власть, которая от служения Богу и Святой Руси крепилась в сторону нового идеала «великой России», скроенного на манер парламентской конституционной монархии тоже вослед европейским образцам.

Российские катастрофы XX века всей своей страшной и кровавой грандиозностью зримо обозна-

чили скорбные итоги «отступления от веры» XVIII - XIX веков. Тем не менее, этот тяжкий и еще не исчерпанный нами опыт можно считать лишним свидетельством актуальности уважения к истории и ее урокам, непреходящего значения того, что Александр Сергеевич Пушкин когда-то назвал так: любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архиепископ Серафим (Соболев). Русская идеология.* СПб., 1992.
2. *Архимандрит Константин (Зайцев). Чудо русской истории // Литературная учеба.* 1994. № 2.
3. *Зайцев Б. К. Слово о Родине // Русская идея.* М, 1992.
4. *Зызыкин М В. Царская власть и закон о престолонаследии в России.* София, 1924.
5. *Тальберг Н. Д. Святая Русь.* СПб., 1992.
6. *Федотов Г П. Трагедия интеллигенции // о России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья.* М, 1990.

ТЕМА 2 СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Само понятие «славянские древности» употребляется с середины XIX века, когда его ввел в оборот известный чешский историк Павел Шафарик. Этот термин имеет явную параллель с названием известной книги Иосифа Флавия «Иудейские древности», описывавшей прошлое Богом избранного народа — потом-

ков библейского патриарха Авраама. Поэтому словосочетание «славянские древности» имеет существенный подтекст — оно показывает, что и у славян были свои древности, отмеченные многими славными делами. И, что еще более важно, славяне тем самым тоже рассматриваются как народ особый, которому свыше предназначено сыграть значительную роль в мировой истории.

Действительно вступление славян в большую европейскую и мировую политику оказалось очень значимым и отнюдь не случайно совпало с двумя очень многозначными процессами: падением Римской империи на Западе и образованием там новых государств (после V века), а также с постепенным отделением западных христиан (латинян) от Православной Церкви (IX—XI века, хотя обозначилась данная тенденция еще раньше). Именно в то время в VI—IX веках славяне стали одной из главных действующих сил и на Западе, и на Востоке.

Однако кто же такие славяне и каково их происхождение? Ответ на заданный вопрос выглядит не таким уж простым. порождая много споров и дискуссий даже в наше время. Начнем с того, что думали и знали о себе сами древние славяне.

В «Великопольской хронике» XIII века повествовалось, что все славяне происходят из Паннонии — земли в среднем течении Дуная. А от трех славянских братьев Леха, Руса и Чеха произошли три народа лехиты (поляки), русские и чехи, имевшие свои государства. Все славяне «понимают» друг друга, ведь они берут начало от одного отца — Томислав, Святослав, Венцеслав... В начальной русской летописи «Повести

временных лет» – также повествуется о том, что славяне жили по Дунаю. Впрочем, их происхождение возводится в русской летописи к одному из сыновей Ноя Иафету. Это имело свое значение для людей того времени, поскольку показывало, что славяне вполне обоснованно занимают северные и западные пределы обитаемой земли. Кроме того, они не относятся к потомкам еще одного сына Ноя — Хама, над которыми, согласно библейской традиции, тяготело отцовское проклятие.

Интересно, что перечень славянских племен в «Повести временных лет» начинается с тех из них, которые позднее стали называться западными и южными славянами: моравы, чехи, белые хорваты, сербы, хорутане, ляхи (поляки), лютичи, поморяне... И лишь позднее упоминаются восточные славяне — как они пришли и поселились по Днепру, Двине, около озера Ильмень и в других местах. Для русского летописца, как и для автора «Великопольской хроники», единство славян вне всяких сомнений. Можно, конечно, не признавать или оспаривать реальность существования Слава и его потомков, равно как считать надуманным, что основателем Кракова был некий Крак, а Киева князь Кий. Тем не менее, подобные сказания символически обобщенно фиксировали реальные воспоминания славян о собственном прошлом и единстве своего происхождения.

Большое значение имеет упоминание русским летописцем в ряду славянских племен, прежде всего моравов и чехов. Дело в том, что как раз на реке Мораве произошло важнейшее для очень многих славян событие. В 863 г. по приглашению моравского князя Ро-

стислава из Константинополя по повелению императора Михаила III прибыли просветители славян ученые мужи Кирилл (до принятия монашества Константин) и Мефодий. Вместе со своими учениками они сыграли выдающуюся роль в просвещении славян и в распространении славянской письменности (ими были сделаны на славянский язык многие переводы богослужебных книг, составлена или усовершенствована славянская азбука и многое другое). В то время Великая Моравия была цветущим государством, а ее столица Велеград — одним из крупнейших городов Европы.

Однако развитие славянского просвещения и особенно богослужение на славянском языке имело сильных противников в соседней Германии, где епископы и монахи настаивали на латинском обряде. Когда соперник князя Ростислава в борьбе за власть нитранский князь Святополк захватил Ростислава и выдал его немцам в Баварию, тогда это противостояние привело к тяжелым последствиям. Князь Ростислав, которого Православная Церковь чтит как равноапостольного, был уморен в одном из германских монастырей. Ученики Кирилла и Мефодия были изгнаны из Великой Моравии. Святополк запретил славянское богослужение. Но преследования святых, гонения на славянское просвещение принесли моравскому государству горькие плоды. В конце IX века после смерти Святополка великоморавская держава распадается. А когда-то славный Велеград приходит в упадок и исчезает без следа.

В начале 80-х гг. IX века святой Мефодий крестил и чешского князя Борживоя. Позднее вдова Борживоя княгиня Людмила и ее внук князь Вячеслав (в чешских

источниках он именуется двойко – Венцеслав или Вацлав) очень много сделали для христианизации своего народа. Но и в Чехии было немало противников славянского просвещения. Опираясь на поддержку из Германии, брат Вацлава Болеслав, прозванный Жестоким, предательски убил князя Вацлава (Вячеслава). Еще раньше была убита княгиня Людмила. Правда, в Чехии еще длительное время сохранялись очаги кирилло-мефодиевской традиции: собирались иконы византийского письма, книги на славянском языке, в Сазавском монастыре до конца XI века еще совершали богослужения по-славянски (в нем же особо почитали святых русских князей Бориса и Глеба). В условиях все большего усиления латинства и церковной и общественной жизни чешский народ все же высоко чтит святых князей-мучеников Людмилу и Вацлава (Вячеслава). Вацлав считался вечным правителем Чехии, ее небесным покровителем. Мощи святых князей-мучеников до сих пор почивают в Праге в соборе святого Вита.

В Польше с самого начала утвердилось латинство. В 966 году князь Мешко I из династии Пястов принял Христианство от латинских священников под влиянием своей жены Дубравки, дочери чешского правителя Болеслава Жестокого, того самого, который погубил святого князя Вячеслава (Вацлава). Польские короли были смелыми воинами и энергичными правителями. И недаром сын Мешко I и Дубравки Болеслав I именовался Храбрым (он не раз вмешивался и в дела Руси), а их правнук Болеслав II Смелым. С созданием в 1000 г. в Гнезно архиепископства полякам удалось ограничить германское влияние. Тем не менее, вся церковная и

светская культура была выдержана в латинском духе. Польские короли долгое время имели обыкновение ставить себя над Церковью. В этом отношении особенно «отличился» Болеслав II Смелый. В 1079 г. после конфликта с краковским епископом Станиславом он, сообщают хронисты, прямо во время мессы «жестокой рукой своим мечем» убивает епископа. Затем, вытащив его из храма, четвертовал убитого. Король покрыл себя позором, и его дальнейшая жизнь сложилась крайне неудачно. Зато епископ Станислав стал почитаться как святой. Для поляков он такой же небесный покровитель их страны, как для чехов – князь Вацлав. Заметим, что в отличие от князей Ростислава Моравского, Людмилы и Вячеслава Чешских, Православная Церковь краковского епископа Станислава в лике своих святых не числит (события 1079 г. произошли уже после отделения латинян от Православной Церкви).

Как бы то ни было, великие труды просвещения славян равноапостольных Кирилла и Мефодия не пропали даром. Изгнанные из Моравии и Чехии ученики «солунских братьев» (они были из греческого города Фессалоники, или по-славянски Солуни) переселились к южным славянам. В 865 году крещение принимают болгары, в 869 – сербы. Вскоре, во время правления болгарского царя Симеона (893— 927) славянская письменность и культура достигают подлинного расцвета (недаром говорят о «золотом веке» Симеона). Среди прочего в то время на славянский язык были переведены многие книги Священного писания и толкования к ним, труды отцов Церкви, жития святых, византийские хронографы. Это огромное духовное и культурное богатство постепенно в большой степени

стало и достоянием Руси, принесся позднее и в нашей стране добрые плоды и достижения. Так или иначе, принятие Христианства и укрепление в нем было для славян в IX—XI веках насущной необходимостью. Те же, кто застрял в язычестве, не имел мудрых и дальновидных правителей, способных обратить своих подданных к просвещению верой Христовой, оказались в самом жалком положении. Об этом свидетельствует трагическая участь лютичей, ободритов, сорбов и некоторых других славянских и неславянских племен (например, пруссов). Будучи смелыми воинами, умелыми охотниками, земледельцами и даже мореходами, они так и не успели и не смогли создать свою государственность. Они не вошли в число христиан и были либо истреблены, либо подчинены и растворились почти без следа под властью других народов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы: XI — начало XII века.* М., 1978.
2. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI—XIII вв. М., 1987.
3. *Сказания о начале славянской письменности.* М., 1981.
4. Петрухин В. Я. *Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков.* Смоленск; М., 1995.
5. Рыбаков Б. А. *Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.* М., 1993.
6. Игумен Иоанн (Экономцев). *Православие, Византия, Россия.* М., 1992.

ТЕМА 3 ПЕРВЫЕ РУССКИЕ КНЯЗЬЯ

Самый главный русский летописный свод «Повесть временных лет» сразу же после описания происхождения славян ставит основополагающие вопросы о том, как начиналась история нашей страны, как образовалось в ней государство, и кто в нем властвовал: «Откуда есть пошла Руськая земля, кто в Кыеве нача первее княжити, и откуда Руськая земля стала есть». Ответы на эти вопросы были чрезвычайно важны не только для летописца, но и для всех русских людей, особенно князей, ибо речь шла о месте Руси в этом мире, и о ее судьбе. Первыми героями собственно русской истории, согласно летописи, оказываются славянский князь Кий, его братья Щек и Хорив и сестра их Лыбедь. Кий, основатель города Киева, родоначальник киевских князей: им интересуется греческий (т. е. византийский) император (правда, летописец честно дает понять, что не знает точно какой именно). Сразу же приводится летописцем и образец того, каким именно должен быть князь. Кий с братьями были «мужи мудри и смыслени». Свои князья были и у других славянских племен. Но не во всем хорошо у них шли дела. Из летописной статьи 6367 года по сотворению мира (857 год от Рождества Христова) видно, что некоторые из славян платили дань варягам из заморья (это те, кто жили ближе к Балтийскому морю), а киевляне и многие их соседи — кочевникам хазарам, располагавшимся в бассейнах Волги и Дона.

Далее произошли события, которые наиболее подробно описаны в Новгородской летописи. Там сообщается об основании словенами (славянами, жившими близ озера Ильмень) города Новгорода, в котором правил Гостомысл (старейшина). Однако между разными племенами были усобицы. И тогда пошли славяне к варягам за море, обращаясь к ним: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нету. Да поидете к нам княжить и владеть нами», В ответ пришел к славянам Рюрик с братьями Трувором и Синеусом. Эти варяги и были «русь», как другие варяги шведы, норвежцы и прочие. После скорой смерти Трувора и Синеуса Рюрик стал княжить в Новгороде. Летописец датирует эти события 6370 (862) годом.

«Призвание варягов» много раз в науке объявлялось «легендой», а Рюрик с братьями не считались реальными историческими персонажами. Такой сверхкритический подход был обычным в XIX веке. Но теперь остается все меньше компетентных историков, которые бы утверждали нечто подобное. Обращается внимание на то, что летописцы ничего особенного, фантастического о Рюрике и варягах не сообщают, что захоронений варяжских на Руси находят все больше, что в поздних летописных сводах имеются некоторые подробности о Рюрике и Гостомысле (Рюрик называется внуком Гостомысла по женской линии, от его дочери Умилы, а потому он был славянам не чужак). Так что в нынешних исторических исследованиях Рюрика подчас отождествляют с тем или иным Рориком или Рериком, правившими у некоторых племен и народов на побережье Балтики в IX веке.

Новая династия Рюриковичей с 882 года утверждается и в Киеве, когда преемник и родственник Рюрика Олег Вещий водворяется там, убив сидевших прежде в Киеве Аскольда и Дира. Судя по некоторым данным (в частности более поздней Никоновской летописи) Аскольд (Осколд) мог быть последним князем из династии Кия, при котором уже началось собственное киевское летописание (а ведь любое летописание дело государственной важности, связанное с пониманием своего места в мире и самоутверждением в истории).

Как бы то ни было, Олег, а затем и княживший в первой половине X века сын Рюрика князь Игорь, объединили Киев и Новгород, а также и другие земли восточных славян. Складывающееся Древнерусское государство было еще не очень прочным, но славяне уже не платили дань чужим народам. Напротив, вместе с князем и дружиной (которых прежде всего и называли «русью») славянская знать и воины не раз ходили в походы на соседей и даже на далекий Царьград (как славяне называли Константинополь), добиваясь среди прочего выгодных условий торговли. Наиболее известен поход Олега в 911 г., когда он, постав свои суда на колеса, посуху направил их к стенам Константинополя. Греки вынуждены были подписать выгодный для Руси договор, дав ей немалую дань. Приводимый летописью договор Олега с греками хорошо показывает, кто же тогда называл себя русью: «Мы от рода рускаго Карлы, Инегельд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд...». Имена, как видим, отнюдь не славянские. И все же противопоставление «руси» и славян в X веке сходит на нет. Русью называется и князь с дружиной, и все его

подданные, а «русской Землей» сначала лишь Киев, Чернигов и близлежащие территории, а затем — и все древнерусское государство.

В X веке Киевское государство значительно окрепло. В нем выстроилась очень сложная пирамида соподчиненных сословных групп, которая, согласно Б. А. Рыбакову, в общих чертах выглядела так: великий князь, «светлые князья» (князи союзов племен), князья отдельных племен, «великие бояре», «бояре» и «мужи», «гости» (купцы), «люди» и смерды, наконец — челядь и рабы. Действие этой сложной структуры во многом было связано со сбором дани — «полюдьем», продолжавшемся почти всю зиму, когда великий князь со свитой постепенно объезжал свои земли. В 945 году во время сбора такой дани в земле древлян был убит великий князь Игорь. Убит после того, как, взяв дань, решил прибегнуть к дополнительному побору.

Вдова Игоря княгиня Ольга горько оплакивала убитого мужа, а их сын Святослав был еще очень мал. Но, как говорилось в одном из житийных повествований о ней, «собралась княгиня Ольга с силами, оставив женскую слабость, мужским умом вооружилась». Она обязана была отомстить за мужа по понятиям того времени. И сделала это, прибегнув к хитрости. Воины Ольги сожгли древлянский племенной центр Искоростень.

Умиротворив древлян, княгиня Ольга начала «устраивать» Русскую Землю. Вместе с малолетним сыном она объехала тогдашнюю Русь, везде устанавливая погосты (от слова «гостить») для сбора точно определенной дани и оброков. Давая «уставы», ясно

определяя обязанности, великая княгиня наказанием древлян предостерегала подданных от злоумышленных кровавых бунтов и посягательств на законного властителя.

Подросший великий князь Святослав смог продолжить воинские и государственные дела своих предшественников. Он был очень сильный воин, ходивший с небольшой дружиной налегке, но имел и более крупное войско для больших походов. В 964—966 гг. он освободил вятичей от власти хазар и подчинил их Киеву, затем сокрушил Хазарский каганат, в свое время постоянно собиравший дань с восточных славян. Святослав взял столицу волжских болгар, а на Северном Кавказе разбил ясов и касогов. Не раз воевал с греками и печенегам. Торговые пути на восток и юг для Руси стали более надежными. Исключительную храбрость проявили Святослав и его дружина в войне с греками в задунайских землях. Окруженные превосходящими силами, они бились до последнего, отказываясь сдаться: «Мертвые срама не имут». В конце концов, Святославу удалось заключить с греками неплохой для Руси мир.

Тем временем княгиня Ольга тоже побывала в земле греков, где ее принял император Константин Багрянородный. Княгиня «от юности пыталась найти, что лучше всего на этом свете». Она «возненавидела идолов и гнушалась ими», найдя «бисер драгоценный, который есть Христос». В Константинополе Ольга принимает крещение. Но ее сын великий князь Святослав оставался язычником: для него радость веры Христовой была неведома. В 969 г. подле смерти княгини Ольги Святослав продолжает свои походы и даже сто-

лицу Руси собирается перенести очень далеко на Дунай. Но в 972 г. он был убит печенегами, поджидавшими его в засаде у днепровских порогов. По преданию, печенежский военачальник сделал себе из его черепа чашу с надписью: «Чужих ища своя погуби». И лишь позднее внук Ольги и сын Святослава князь Владимир привел Русь к Крещению.

Летописи и другие источники показывают, как любили и высоко ценили на Руси великую княгиню Ольгу. Ее «сыны русские» хвалят как начинательницу в познании веры Христовой. Ольга, как ней говорится в сочинениях древнерусских книжников, еще и «русское познание к Богу», она «луна в ночи», «светившая среди язычников как жемчуг в грязи». Ольга «первая вошла в Царство Небесное от Руси» и «по смерти молит Бога за Русь».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Повесть временных лет // Памятники литературы древней Руси. Начало русской литературы: XI - начало XII века.* М., 1978.
2. *Преставление блаженной княгини Ольги, во святом крещении Елены // Избранные житии русских святых (X—XV вв.).* М., 1992.
3. *Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков.* Смоленск; М., 1995.
4. *Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.* М., 1993.
5. *Творогов О. В. Древняя Русь: События и люди.* СПб., 1994.

ТЕМА 4 КРЕЩЕНИЕ РУСИ

Святая равноапостольная княгиня Ольга была как заря перед восходом - Крещением Руси. После кончины Ольги, а затем и гибели князя Святослава, княжил старший сын Святослава Ярополк. Вскоре его столкновение с княжившим у древлян собственным младшим братом князем Олегом приводит к гибели Олега. Затем погибает и сам Ярополк. В 980 году великим князем становится третий сын Святослава Владимир. Владимир сначала был настоящим язычником. Он подчиняет как храбрый военачальник племя радимичей, на северо-западных границах Руси побеждает поляков и ятвягов. В молодости великий князь имел много жен и наложниц. Помимо прочего, по тогдашним языческим представлениям это было свидетельством его богатства и мощи.

Однако язычество все более не удовлетворяло князя. Под 986 годом в «Повести временных лет» появляется рассказ о так называемом «выборе веры». К Владимиру приходят послы от иудеев (хазар), от мусульман (волжских болгар), христиан латинского обряда (немцев) и от православных греков. По летописи на князя особенное впечатление произвела беседа с православным Философом (имени его не названо). Философ показал Владимиру церковную завесу с изображением «судища Господня». Испытывая пробуждение страха Господня, князь пожелал быть «справа», то есть среди спасенных. На это Философ сказал: «Если

хочешь быть с праведниками, крестись». «Подожду еще», — отвечал Владимир.

Нередко историки называют рассказ о «выборе веры» позднейшей легендой. Если это бы и оказалось так, она все-таки определенно символизирует духовные искания и политические размышления великого князя Владимира и его окружения. Недаром после того, как послы Владимира посетили другие земли и похвалили лишь «веру греческую», советники-бояре убеждали князя: «Если бы был плох закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а она была мудрейшей из людей». Надо отметить, что крещения русских князей происходили, видимо, еще до обращения в христианство великой княгини Ольги. Жития греческих святых, подвизавшихся на побережье Черного моря, Стефана Сурожского и Георгия Амастридского, указывают на такие события, имевшие место, вероятно, в начале IX века. Другие византийские источники сообщали о крещении «руси» после ее похода на Константинополь в 860 г. Есть некоторые данные о том, что крещение могли тогда принять Аскольд и Дир.

Наконец, и великий князь Владимир решил принять христианство. К тому же представился удобный момент: «ромейские» (византийские) императоры Василий и Константин попросили его о военной помощи, взамен обещая выдать за Владимира свою сестру Анну (тем самым великий князь породнился бы с царями «Нового Рима» и повысил бы свой статус; но жениться на византийской принцессе мог только христианин). Владимир выполнил свое обещание и оказал империи помощь, но царевну отпустить в Киев в Кон-

стантинополе не торопились. Тогда великий князь киевский отправился в Тавриду (Крым) и силой взял греческий город Корсунь. Только тогда царевна Анна прибыла из Константинополя со свитой и священниками (есть и такая точка зрения, что на самом деле Анна была дочерью плененного тогда болгарского царя). Там, в Корсуне, в 988 г. Владимир, согласно летописи, принял крещение, И место, и дата крещения подчас оспариваются. Называют также 987 и 989 годы, Да и сам летописец опровергает утверждения, что крестился князь в Киеве или в Василеве.

Все эти разномыслия не могли отменить главного: того, что началось Крещение всей Руси. Ибо в том же 988 году (по преданию 1 августа) киевляне были крещены в Днепре и в его притоке Почайне. Массовость крещения была обеспечена предупреждением князя Владимира: «Если кто не придет — будет мне враг». Киевляне же, по сообщению летописца, и не думали противиться, а рассуждали так: «Если бы не было добрым, не приняли бы того князь и бояре». После крещения киевлян Владимир положил начало просвещению народа. Он повелел сокрушать идолов прежних языческих богов, что и было исполнено. Начиналось «книжное обучение», без чего невозможно было полноценное участие в церковной жизни. На обучение брали детей «из лучших людей». Правда, не утвердившиеся еще в вере их матери плакали по ним «как по мертвым».

И после своего крещения великий князь Владимир продолжал укреплять государство. Он воевал с кочевниками-печенегами, строил города вокруг Киева. Князь не просто «просчитывал выгоды» своего влады-

чества. Он стал глубоко верующим человеком, помогая нищим и всех нуждающихся утешая и поддерживая. В этом одно из назначений знаменитых «пиров» великого князя. Владимир, боясь греха, даже опасался казнить разбойников, что в условиях тогдашних, еще языческих по преимуществу, нравов могло быть неправильно понятым. В этой связи епископы напомнили великому князю, что он поставлен от Бога наказывать злых и миловать добрых.

Помимо прочего, мы имеем ценное свидетельство со стороны о тогдашней Руси и ее великом князе отчет о поездке в Киев в 1006 г. германского епископа Бруно-Бонифация. Папа Сильвестр II и император Священной Римской империи Генрих II направили его на Восток для миссионерства среди печенегов, надеясь, вероятно, укрепить влияние латинства и на Руси. Владимир принял латинского епископа радушно, целый месяц удерживая его в Киеве и убеждая не ставить свою жизнь под угрозу почти неминуемой смерти среди «дикого народа». Потом князь с войском лично провожал епископа до границ своих земель. Позднее оказалось, по свидетельству самого германца, что печенеги не убили миссионера лишь потому, что с его помощью надеялись заключить мир с Владимиром. Об обращении же в латинство печенеги не помышляли. Так что итоги миссии Бруно-Бонифация были незначительны. Зато из его рассказа видны привлекательные человеческие качества князя Владимира: его вера, благочестие, радушие и доброта.

Владимир имел 12 сыновей. Именно их он готовил в последние годы своей жизни к продолжению

начатого им дела. Однако способности и наклонности сыновей были разными.

Изяслав стал основателем династии полоцких князей, давшей в XII веке святую преподобную Евфросинию Полоцкую. Мстислав был могучим воином и прославился своими победами над кочевниками. Судиславу после смерти отца было суждено много лет просидеть в темнице («порубе»). Но если о Судиславе упоминаний осталось очень мало, то этого не скажешь о Святополке. Его называли «сыном двух отцов» — самого Владимира (как считалось официально) и его старшего брата Ярополка. Дело в том, что Ярополк взял в наложницы греческую монахиню(!) и погиб, когда она уже имела во чреве. Владимир, бывший тогда еще язычником, забрал наложницу себе. Снятополк, хотя и был воспитан великим князем как собственный сын, ненавидел и Владимира, и своих названных братьев. После кончины великого князя Владимира в 1015 году Святополк в погоне за властью подослал убийц к князьям Борису и Глебу, которые вскоре после трагической кончины стали почитаться как святые.

Основная борьба за великокняжеский стол развернулась у Святополка с одним из старших сыновей Владимира — Ярославом (много позднее его стали именовать Мудрым). С помощью своего тестя польского короля Болеслава Святополк, прозванный Окаянным, занимал на время даже Киев и много зла причинил киевлянам. Однако в решающем сражении на реке Альте (в тех местах, где он погубил князя Бориса) Святополк потерпел поражение, бежал и, по данным летописей, сгинул где-то «между ляхами и чехами».

Наследником и продолжателем деяний Крестителя Руси стал великий князь Ярослав. Он продолжил и умножил славные дела своего отца. Окончательно разбил печенегов, после чего они уже не тревожили Русь. Построил в Киеве собор Святой Софии Премудрости Божией, несколько других храмов, а также иных сооружений, в частности, знаменитые Золотые ворота. При великом князе Ярославе был составлен первый письменный свод законов «Русская Правда». Под его покровительством, как отмечалось в летописи, «начала вера христианская плодиться и расширяться, и черноризцы стали множиться, и монастыри возникать».

Подводя итог Крещению Руси, в наши дни нередко утверждают, что и сам великий князь Владимир, и многие другие князья, а тем более их подданные оставались еще «двоеверами», а то и несомненными язычниками. Такие утверждения не подтверждаются всем дальнейшим ходом истории Руси. Не подтверждаются они и новейшими научными открытиями, в том числе данными археологических раскопок. По ним уже в конце X века начинается значительный поворот в типе погребений у живших в Поднепровье славянских племен от трупосожжения к трупопогребению (причем, в погребениях появляются и крестики). А ведь по указке власти никто бы тогда хоронить своих близких не стал. Следовательно, такие изменения в погребениях отражают значительный мировоззренческий перелом в представлениях людей в южнорусских землях в эпоху Крещения Руси.

Выдающийся русский церковный деятель XI века митрополит Иларион раньше многих других осознал величие трудов князя Владимира, в своем «Слове о За-

коне и Благодати» по значению отводя ему место рядом с апостолами. До великого князя Владимира, подчеркивал митрополит Иларион, мы на Руси «бормотали вслед за бесами», «спотыкались на путях погибели». Но Владимир Русь «Богу покорил» (у людей появилось не только земное, но и Небесное Отечество). И «в пустой и пересохшей земле нашей, иссушенной идольским зноем, внезапно потек источник евангельский, питая всю землю нашу».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Иларион. Слово о Законе и Благодати. М., 1994.
2. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы: XI— начало XII века. М., 1978.
3. Епископ Николай (Велимирович). Святой Владимир Креститель русских // Журнал Московской Патриархии. 1997. № 7
4. Кузьмин А. Г Падение Перуна (Становление Христианства на Руси). М., 1988.
5. Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. Смоленск; М., 1995.
6. Творогов О. В. Древняя Русь: События и люди. СПб., 1994.
7. Тысячелетие введения Христианства на Руси. М., 1993.

ТЕМА 5

РУСЬ В ЭПОХУ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Во второй половине XI-XII веках Русь была очень большим, богатым и процветающим государством. В нем было множество городов и весей, храмов и монастырей, оборонительных засечных полос и крепостей, плодородных полей и торговых путей. В Скандинавии тогдашнюю Русь называли Гардарики («Страна городов»).

О мощи и авторитете тогдашней Киевской Руси говорят династические связи русских великих князей с правителями различных европейских стран. Так, Ярослав Мудрый был женат на дочери шведского короля Олафа. Сын Ярослава Изяслав был женат на Гертруде, дочери польского короля Мешко II, другой сын Святослав - на Оде, дочери немецкого графа, третий - Всеволод на Марии, дочери византийского императора Константина Мономаха. Дочери Ярослава стали королевами: Анастасия - венгерской, Елизавета - норвежской, а затем датской, Анна - французской.

По преданию, умирая, Ярослав Мудрый оставил следующее завещание своим сыновьям: «Имейте любовь между собой, потому что все вы братья... И если будете жить в любви между собой, Бог будет у вас и покорит вам врагов... Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим». Князья - потомки Ярослава Мудрого - пытались выполнить это наставление. Они много раз собирали съезды, договаривались каждому держать свою «отчину» и не посягать на чужое, цело-

вали крест в знак обещания перед Богом выполнить достигнутые условия. Тем не менее, нередко данные договоренности выполнялись не слишком успешно. Постепенно, особенно во второй половине XII века, положение на Руси изменяется к худшему.

От того времени, целой эпохи в жизни древнерусского государства, мы имеем замечательный источник, очень ярко и многокрасочно запечатлевший атмосферу своего времени. Это — знаменитое «Слово о полку Игореве», написанное вскоре после похода на кочевников-половцев новгород-северского князя Игоря в 1185 году.

«Слово» дошло до нас в одном-единственном списке, обнаруженном в конце XVIII века. Прежде чем этот список погиб в московском пожаре во время нашествия Наполеона, его издали печатно и сняли рукописную копию для императрицы Екатерины II. Мнение о том, будто «Слово» — более поздняя подделка, не имеет под собой оснований. И потому, что некоторые редкие слова из «Слова» упоминаются и в более поздних источниках, в частности, в «Задонщине» (XVI век). Но главное, потому, что столь впечатляющей картины внутреннего мира русского человека XII века, насыщенной множеством деталей (иногда не вполне ясных и по сей день), сфальсифицировать невозможно было никому — слишком трудной оказалась бы задача.

«Слово» дает широкую панораму истории Руси, ее самосознания, государственной мудрости. Образы героев сочны, полнокровны и очень выразительны (заметим, что реальные герои «Слова», многие упоминаемые в нем князья были здравствующими ко време-

ни его создания; - так что автору могло не поздоровиться в случае грубых искажений действительных обстоятельств их жизни). Судя по этому памятнику, человек того времени видел мир очень ярко, но во многом еще по-язычески. Земля, вода и все стихии для него одушевлены: он взывает к ним, обращается с просьбами и даже как бы получает от них ответ. Вот жена попавшего в плен князя Игоря (Евфросинья, как мы знаем из других источников), названная в «Слове» просто Ярославна, на «забрале» (переходе между стенами крепости) обращается за помощью к солнцу, ветру, Днепру-«Славутичу» (славному). И тут же читатель видит ответ: «Игореви князю Бог путь кажет из земли Половецкой на Землю Русску». А сам князь Игорь благодарит реку Донец за то, что она помогла ему бежать из плена. Донец «лелеял» князя на волнах, «стлал ему зелену траву на своих серебряных брезех» одевал его «теплыми мглами».

Русский народ в «Слове» еще по-язычески назван «даждьбож Внук». Упомянуты и другие языческие «божества» — Стрибог и Хорс. Очень поэтична, хотя и загадочна еще одна фраза: «Карна и Жля поскочи по Руской Земли». Судя по народным говорам, смысл этой фразы в том, что «карна» - это «мука», а «жля» — «плач», однако может быть и так, что это тоже обозначение тех или иных древних языческих культов женского рода.

Тем не менее, на основании текста «Слова» не стоило бы и упрощать внутреннего мира русского человека того времени. Ведь в поэме называются и соборы Святой Софии в Киеве и Полоцке, а в конце ее автор живописует торжественное возвращение князя

Игоря, едущего на поклон к Пресвятой Богородице:
Солнце светится на небесе
Игорь князь в Русской земли (...)
Игорь едет по Боричеву
К святой Богородице Пирогощей.

Здесь зримо показывается, как князь поднимается по Боричеву взвозу вверх к храму Пресвятой Богородицы, где хранилась особо чтимая икона, именовавшаяся «Пирогощей».

Очень интересен подбор основных действующих лиц «Слова о полку Игореве». Это – прежде всего князь. Очевидно, что и сам автор был из княжеского окружения (по гипотезе академика Б.А. Рыбакова это мог быть упоминавшийся в летописях Киевский боярин Петр Бориславич). Фон для главных действующих героев-князей — постоянно упоминаемая княжеская дружина. Отмечены автором и бояре (они, например, толкуют сон киевскому великому князю Святославу).

Мельком мы видим в поэме и простолюдинов, в основном земледельцев («ратаев»). Но вот кого совсем не заметно, так это епископов, священников и монахов.

Почему так? Прежде всего, потому, что до монголо-татарского нашествия князья действительно были самыми главными действующими лицами русской истории, предопределявшими очень многое в жизни тогдашнего русского государства.

Так или иначе, но это князья крестили Русь. И не только Владимир в Киеве. Его бояре Добрыня и Путята — Великий Новгород (силой — «огнем и мечом»), святой Константин (Ярослав) — Муром. И так далее. Сна-

чала и народ воспринимал очень часто христианство как «княжью веру», полагая, что лишь князьям надо исповедаться, причащаться, венчаться, собороваться, а простые люди могут жить и так. Это князья, в особенности Ярослав Мудрый и его сыновья, установили основы писаного права («Русская Правда»).

Это князья построили на Руси множество храмов. Собор Святой Софии в Киеве воздвиг Ярослав Мудрый. А собор Святой Софии в Новгороде — его сын — святой Владимир Новгородский и его жена святая Ирина (в монашестве — Анна). В «голубце» (особой келии) собора Святой Софии в Полоцке подвизалась святая Евфросинья (бывшая княжна Предслава). Потом в Спасо-Преображенском монастыре того же Полоцка она пребывала в монашеском делании с родной сестрой Евдокией (княжной Градиславой) и двоюродной сестрой Евпраксией (княжной Звениславой).

Поставленные князьями соборы и храмы стали не просто монументальными памятниками и архитектурными шедеврами. И даже не только молитвенным обращением к Всевышнему. Это еще и похвальная песнь к Богу за его милости в связи с военными победами князей. Так, знаменитый храм Покрова на Нерли построен после победы великого князя, святого Андрея Боголюбского над волжскими булгарами в 1164 году.

Очень показателен и пример Дмитровского собора во Владимире на Клязьме. Его внешние каменные барельефы составляют собой целую энциклопедию. И повествуют эти барельефы не только о Премудрости Божией, но и о государственной мудрости. Собор был поставлен при великом князе Всеволоде Большое Гнездо. Среди изображений — и Пресвятая Троица

(Отец и Сын в коронах, а Дух в виде голубином). И царь Давид. И князь Андрей Боголюбский, притом — с мечом святого страстотерпца князя Бориса. И сам князь Всеволод на тропе с младшим сыном на руках. Наконец, в XI-XII веках именно князья защищали веру и Церковь. Они, как мы уже отмечали, много жертвовали на строительство храмов и монастырей. Немалое их число сами вступали в клир, постригаясь в монашество (святые Анна Новгородская, Евфросиния Полоцкая, Никола Святоша, Игорь Черниговский и Киевский...). Князья постоянно были покровителями и питателями крупнейшего и важнейшего русского монастыря того времени — Киево-Печерского. Приходилось князьям и собственными руками поражать тех, кто смел посягать на Церковь и ее права. В данном отношении очень выразителен рассказ Лаврентьевской летописи под 1071 годом, когда в Новгороде Великом языческим колдунам (волхвам) удалось поднять народ против Церкви. Тогдашний новгородский князь Глеб со своей дружиной «пошли и стали около епископа». Только когда князь выхватил из-под плаща спрятанный топор и зарубил главного волхва, бунтовщики рассеялись.

Князья даже раньше иерархов Церкви становились инициаторами прославления таких русских святых как страстотерпцы Борис и Глеб, а также преподобный Феодосий Печерский.

И все же при очевидных заслугах русских князей в становлении русской Православной Церкви и отечественной государственности были в княжеских трудах и чаяниях свои изъяны. Даже официальные летописцы обличали подчас княжескую спесь, в том числе в целях

благочестия. Сообщая, например, об основании в 1051 году князем Изяславом Ярославичем монастыря святого Димитрия, Лаврентьевская летопись порицает князя за то, что он надеялся поставить этот монастырь выше Печерского, надеясь на свое богатство: «Ибо много монастырей устроено царями и боярами, но не такие они, как те, что поставлены слезами, постом и молитвою, бессонными ночами».

Еще хуже было то, что князья зачастую увязали во взаимном соперничестве и даже междоусобных войнах. В «Слове о полку Игореве» автор рисует ужасающую картину княжеских междоусобиц, замечая, что «в княжьих крамолах веки человеком скратишась (т.е., сократились С.У.)». Так что, как говорится в «Слове», тогда в Русской Земле редко можно было слышать голоса пахарей, но часто крики воронов, деливших себе трупы. Автор поэмы старался определить и разоблечь самую причину княжеских неурядиц. И он находил такую:

«Рекоста бо брат брату:

Се мое, а то мое же».

И начаша князи про малое

«Се великое» молвити

А сами на себе крамолу ковати.

А погании со всех стран

Прихожаху с победами

На Землю Русскую.

Так было еще до нашествия Батыея и даже до первой битвы с татарами на Калке в 1223 году. Все «Слово о полку Игореве» пронизано тревогой за Русь, предчувствием нависшей над ней угрозы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Слово о полку Игореве. М., 1985.
2. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы: XI— начало XII века. М., 1978.
3. Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977.
4. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1993.
5. Творогов О. В. Древняя Русь: события и люди. СПб., 1994.

ТЕМА 6 РУСЬ ПОД ИГОМ

В XIII веке Русь постигло страшное бедствие, равных которому еще не было дотоле в ее истории. Кочевники приходили на Русь и раньше. Были в ее прошлом и междоусобицы, и многие тяготы. Но ничего подобного таким ужасам, разрушениям и опустошениям, какими сопровождалось нашествие монголо-татар, Русь никогда не испытывала. Только крайней исторической бесчувственностью и нравственной глухотой можно объяснить рассуждения некоторых нынешних авторов о том, что-де «татарского ига» на Руси не было, а был взаимовыгодный для обеих сторон союз Руси и Орды.

«Монголо-татары» — это обобщенное название племен, живших на рубеже XII-XIII веков к югу от озера Байкал. Среди них были монголы, татары, найманы, меркиты и другие. Всех их объединил в начале XIII ве-

ка избранный на Курултае (т.е. съезде) монгол Темучжин (при этом он, кстати, приказал перебить всех татар, бывших выше оси тележных колес, иначе говоря — все взрослое население). Темучжин под именем Чингис-хана постепенно создал мощное войско из кочевников со строгой дисциплиной. Монголо-татары, создавая свое государство, проявляли страшную, диковинную даже для своего времени, жестокость. Они истребляли подчас целые племена и народы, которые по их суждению не проявляли достаточной покорности.

Чингис-хан и его военачальники совершили многие победоносные походы, в том числе в Китай, Корею, Среднюю Азию, Иран, на Кавказ, в Половецкую Степь и Волжскую Булгарию. Русь первый раз ощутила на себе удар монголо-татарских орд в 1223 году. В битве на Калке в половецких степях кочевники победили русских князей и, положив деревянный настил на раненых и пленных, наслаждались во время пира их мучениями.

Орды монголо-татар вновь пришли на Русь в декабре 1237 года. Им не противостояло единого целого. На Руси была эпоха раздробленности: только крупных княжеств было 18, а вместе с удельными их число доходило до 30-ти. Правда, нередко соседние князья соединяли свои силы для отпора захватчикам, но этого было недостаточно. Монголо-татары имели очень большое превосходство в силах. Ездивший в то время на Восток латинский монах Юлиан (в том числе с целью разведки) доносил епископу Перуджи, что у монголо-татар только отборного, самого боеспособного и опытного войска 135 тысяч человек. И это не считая

других сил. Русские князья сопоставимых по мощи ратей выставить против завоевателей тогда были не в состоянии.

Монголо-татары в 1237-1238 годах и в последующем взяли и разорили много русских городов и более мелких поселений, проявив чудовищную жестокость. Во Владимире на Клязьме они только в кафедральном Успенском соборе сожгли множество людей — правящего архиерея, членов княжеской семьи, горожан, детей. О взятии захватчиками Торжка в Новгородской летописи повествовалось, что монголо-татары иссекли всех — «от мужьска пола и до женьска, иерейский чин весь и черноризьский, а все изображено и поругано, горкою смертью предаша душу своя Господеву»» В Козельске, как сообщала Игнатьевская летопись, хан Батый уничтожил всех, «не пощаде от отрочат до сосущих млеко».

Разгромив Северо-восточную Русь, монголо-татары через короткое время обрушились и на Южную Русь. В 1240 году они взяли и растерзали Киев, огромный богатейший город, в котором только церковей было 600. В дальнейшем кочевники взяли Галич и Владимир-Волынский, а также совершили поход в Польшу и Венгрию. В 1246 году Киев посетил монах-францисканец Иоанн де Плано Карпини. «Мы находили, - записывал он, - бесчисленные головы и кости мертвецов, лежавшие в поле. Город этот был очень большой и многолюдный, а сведен почти ни на что. Едва ли там двести домов, а людей они (монголо-татары) держат в самом тяжелом рабстве».

Разумеется, бедствия Руси не были случайностью. Владимирский епископ Серапион (умер в 1275 году) в

своих поучениях показывал русским людям их причины: «Ныне землю трясет и колеблет, беззакония многия от земли отрясти хоцеть, яко лестие от древа». Владыка также напоминал, что все несправедные царства сокрушались Богом, только крепкие духом могли устоять.

Многие грозные знамения предвещали это постигшее Русь несчастье. Может быть, самое впечатляющее из них — землетрясение 1230 года, в день памяти преподобного Феодосия (3 мая). В Киево-Печерском монастыре упавшие с потолка кирпичи смели в трапезной все пития и яства. Во Владимире на Клязьме землетрясение случилось во время литургии, когда читали Евангелие.

Для многих людей того времени монголо-татары казались не просто завоевателями. Своей чудовищностью они представлялись выразителями Божиего гнева за грехи людей. Вот почему имя «татары» использовалось не только на Руси, но и венграми, поляками, французами, итальянцами, грузинами, армянами. Татары казались пришельцами из тартара. Один мусульманин, живший в Конийском султанате записывал тогда: «Может быть, не увидят ничего подобного этому до преставления света и исчезновения мира».

Нашествие монголо-татар дало князьям и всем русским людям много горьких уроков. Всем им стало куда труднее проявлять своеволие. Если раньше можно было не подчиняться своему великому князю, то теперь русским князьям пришлось ездить в созданное в Поволжье монголо-татарами государство — Золотую Орду за ярлыком (грамотой) на княжение. Огромной тяготой для русских людей стали на время баскаки

(наместники) татарских ханов, приезжавшие в русские княжества для сбора дани. Ежегодно Орде платили огромный «выход» (так называли тяжелый налог, выплачивавшийся на Востоке обычно немусульманами — харадж). В конце XIV века «выход» со всей Руси доходил до 15 тысяч рублей. При этом следует иметь в виду, что за рубль тогда можно было купить до 250 пудов зерна. Недаром за полвека после нашествия на Руси не было построено ни одного города, а некоторые из разрушенных завоевателями так и остались не восстановленными.

В невыносимо тяжелой обстановке иноземного ига огромное значение для Руси имели труды великого князя Александра Невского, которого наша Церковь чтит как святого и благоверного. Князь был великим полководцем. В 1240 году в двадцатилетнем возрасте он с небольшими силами победил шведов в устье Невы. Через два года в грандиозной битве на льду Чудского озера русские войска под его началом разгромили немецких рыцарей Ливонского ордена. Несколько раз побеждал князь Александр и литовцев, что остановило их наступление на земли северо-восточной Руси (хотя западно-русские земли она продолжала захватывать: Полоцк, Пинск, Смоленск...).

Князь Александр Невский сумел установить приемлемые отношения и с Ордой. Прекрасно понимая, что Русь еще не готова избавиться от татарского владычества, он честно выполнял свои обязательства перед золотоордынскими ханами, на которых личность князя Александра производила большое впечатление. Так, покоритель Руси Батый, познакомившись с кня-

зем, признал: «Верно говорили мне, что нет другого мужа, подобного этому князю».

Надо учесть, что утверждения Л. Н. Гумилева и некоторых других современных авторов, будто Батый сделал князя Александра своим приемным сыном (см., например одну из книг Гумилева из списка источников литературы к данной лекции) не имеет никаких реальных оснований. Напротив, ни один русский, европейский или восточный средневековый источник не сообщает ни об усыновлении князя Александра Батыем, ни о побратимстве князя с сыном Батыя Сартаком. Такие сведения — результат фантазии романиста XX века А.А. Югова. Мы же отметим, что в русских народных сказаниях образ князя Александра имеет совсем другие черты: князь не прислужник татар, а мудрый и благочестивый правитель, заботившийся о благе Руси. Именно таким он и предстает из достоверных исторических свидетельств своего времени, из его конкретных дел.

Возьмем одно из ключевых событий в жизни князя Александра Невскую битву. Как сообщает один из летописцев, лично знакомый с Александром, князь перед битвой отправился в новгородский Собор Святой Софии. Там он молился, «пав на колени перед алтарем». После молитвы князь поклонился архиепископу Спиридону, а владыка благословил его. Александр вышел из храма, как свидетельствует летописец, «утирая слезы». И «начал крепить дружину свою», сказав: «Не в силе Бог, но в правде». Эту знаменитую фразу знают многие. Но очень немногим известны последующие слова князя Александра, показывающие, какой именно смысл он в них вкладывал. А Александр

сказал: «Помянем песнопевца: Сии на колесницах, и сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовем. Тии спяти быша и падоша, мы же востахом и исправихомся». Следующие слова из этого 19-го псалма говорят сами за себя: «Господи, спаси царя и услыши ны, вонь же аще день призовем Тя». И, не дожидаясь всех своих полков, князь Александр, уповая на Господа, пошел с небольшой дружиной и достиг блестящей победы. Великий князь Александр Невский хорошо понимал, как тяжело Руси быть под давлением и с Запада, и с Востока. Отражая напор латинства, грозившего Руси утратой православия, он под тяжким игом Орды готовил собрание и укрепление Руси, «упоая на Святую Троицу».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Житие святого благоверного князя Александра Невского // Избранные жития русских святых (X-XK вв.). М., 1992.*
2. *Памятники литературы Древней Руси: XIII век, М., 1981.*
3. *Гумилев Л. Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992.*
4. *Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.*
5. *Творогов О. В. Древняя Русь: события и люди. СПб., 1994.*
6. *Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XIII веках. Л., 1978.*

ТЕМА 7 ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ

Вторая половина XIII и начало XIV века было на Руси временем тяжких скорбей и мрачной неопределенности. Ужасам татарского ига, казалось, не будет конца. В это время и произошло то, что потом коренным образом изменило облик Руси. Москва, один из самых незначительных и малоизвестных городов, вдруг значительно усилилась, уже во второй половине XIV века став фактически столицей страны, со временем превратившись в центр мощного царства. Такая метаморфоза изумляла не только многих современников данных событий, но даже и немалое число маститых историков более поздних времен, недоумевавших о причинах столь бурного расцвета Москвы. Многие советские историки пытались найти объяснение вслед за В.О. Ключевским в выгодном географическом положении Москвы на перекрестке торговых путей и ее сравнительной удаленности от татар. Однако ничуть не хуже было в этом смысле положение других крупнейших центров северо-восточной Руси: Владимира, Ярославля, Твери, не говоря уже о еще более древних Суздале, Ростове Великом и Новгороде Великом.

На самом деле преимущества Москвы были отнюдь не в географии или экономике. Она поднялась как духовный и политический центр Руси, в чем огромная заслуга предстоятелей Русской Церкви митрополитов Петра и Алексея, а также, великих князей московских — Даниила Александровича (младшего сына Александра Невского) и его потомков — сына

Иоанна Даниловича (или Ивана Калиты, как его часто называли) и правнука, Дмитрия Донского.

Московское княжество при Данииле Александровиче (умершем в самом начале XIV века) было еще совсем небольшим и малозаметным. Но князь был очень благочестив, не воинствен, зато заботлив о своих подданных. Он основал монастырь, существующий до сих пор. Данилов монастырь является ныне резиденцией патриарха Московского и всея Руси. Было время, когда заслуги князя Даниила забывались людьми, но Господь вновь прославлял его. Так, во время правления великого князя Ивана III (это было уже во второй половине XV века) князь Даниил внезапно явился одному придворному юноше у берегов Москвы-реки и сказал: «Рцы великому князю Ивану: се убо сам всячески себе утешаеши, мене же забвению предал еси». И вот пришедший было в запустение Данилов монастырь был восстановлен, а сам князь Даниил был причислен Церковью к лику святых и благоверных.

Сын Даниила, Иван Калита, ставший на Руси великим князем в 1328-1340 годах, был расчетливым, осторожным и умелым хозяином своего княжества. С его вокняжением, как отмечали летописцы «тишина великая» установилась на Руси «на 40 лет»: «... и престаша погании воевати рускую землю и закалати христиан, и отдохнуша и упочинуша христиане от Великия истомы и многыя тягости и от насилия татарского и бысть оттоле тишина Великая по всей земле».

Конечно, эта «тишина» давалась князю, Москве и всей Руси недешево. Ведь прозвище Калита («денежный мешок») было дано князю Ивану не зря. Он был бережлив, учитывая необходимость платить Орде

огромные подати. А потому везде носил с собой денежный мешок, из которого, впрочем, перепадало нищим. Вместе с тем князь Иван Калита жил очень скромно и выплачиваемые татарам подати умел обратить в пользу Руси, добившись почти полного прекращения разрушительных набегов хотя бы на земли московского князя. Он перекупал ярлыки на княжение в других городах, везде искал Москве союзников. Князь пригласил в Москву предстоятеля Церкви — митрополита Петра, который официально именовался «Киевским и всея Руси», а резиденцию имел дотоле во Владимире на Клязьме. Владыка Петр, муж святой жизни, провидя предназначение Москвы, благословил великого князя построить в городе Успенский собор и сам приготовил себе могилу в нем, где и был погребен (1326 г.).

Дело митрополита Петра и великого князя Ивана Калиты успешно продолжали их преемники. Особенно следует выделить святого митрополита Алексея (был на кафедре митрополита с 1354 по 1378 г.г.). Святителю Алексею пришлось заниматься не только церковными, но и великокняжескими делами — в период малолетства великого князя Дмитрия (будущего Донского). Митрополит Алексей просвещал народ, строил храмы, основывал монастыри, наставлял великого князя и помогал ему владычествовать над другими князьями, а также иметь мирные отношения с Ордой (пока Русь была еще не в силах избавиться от ига). Благоволение ханов было связано с их глубоким почтением к митрополиту Алексею, по молитве которого получила исцеление от слепоты сама ханша Тайдулла (в Москве в

Память об этом чуде был основан владыкой Чудов монастырь).

Победа великого князя Дмитрия над татарами на Куликовом поле в 1380 году была итогом этих кропотливых трудов многих десятилетий. Авторитет Москвы, ее духовная мощь была явлена тогда впервые столь убедительно и победоносно. Русь впервые разгромила Орду (хотя Тохтамыш и другие ханы и после Куликова поля еще приходили разорять русскую землю). Вокруг Москвы были уже силы из многих земель и княжеств, даже из тех, что входили тогда в Великое княжество Литовское (брянские, смоленские и другие князья). Наконец, в 1380 году Церковь – в том числе в лице преподобного Сергия Радонежского уже благословила открытую борьбу с татарами и провидела грядущую победу русского воинства.

Возвышение Москвы нельзя понять без обращения к житию и трудам самого выдающегося подвижника Земли Русской — преподобного Сергия Радонежского, тем более, что почти вся его жизнь прошла в пределах Московского княжества. Появление Сергия, называемого нередко «игуменом Земли Русской», знаменует собой существенный поворот в истории Руси, которая с тех времен начинает осознавать себя «святой Русью». Это новый этап и в становлении русской святости, до Сергия русскими святыми были в основном благоверные князья, которые и устраивали «русскую землю». Но с XIV века появляется значительное число святых и в других слоях русских людей — среди бояр, купцов, горожан, «поселян» (т.е. земледельцев — которые теперь называются «крестьяне», что собственно является формой слова «христиане»). Это и

происходит в тяжелых условиях ига, среди бедствий и страданий, когда русский человек почувствовал жажду веры, стремление ощутить помощь Божию. Образец здесь дал преподобный Сергий и многие близкие ему подвижники. Как отмечал известный ученый В.А. Топоров в своих недавних трудах о русской святости, в лице Сергия «русский народ сознал себя», и потому «все линии русской культуры сходятся к преподобному — нравственная идея, государственность, живопись, зодчество, литература, русская школа, русская наука».

При всем том преподобный Сергий во многом остается личностью таинственной. Его труды для нас лишь несколько приоткрываются главным образом из жития преподобного. И в то же время личность Сергия была притягательным магнитом и образцом для множества ее современников. Его добродетели стали в значительной степени основой русского национально-го характера: вера, кротость, молчаливость, смирение, негневливость, простота без ухищрений. Кроме того, преподобный был очень трудолюбив, он без лености братии как «купленный раб» служил: дрова колот, толлок зерно, жерновами молот, хлеб пек, еду варил, обувь и одежду кроил и шил, воду носил и каждому у кельи ставил.

Благодать Божия явственно посещала монастырь, устроенный трудами преподобного Сергия - дом Пресвятой Троицы. Ибо и сам храм был поставлен, как говорилось в жизнеописании святого, чтобы «воззрением» на Пресвятую Троицу побеждался «страх ненавистной розни мира сего». По молитвам преподобного в обители открылся источник, водой из которого ис-

целялось множество людей. Еще при жизни Сергия ему явилась Пресвятая Богородица с апостолами Петром и Иоанном, обещая свое покровительство обители и после кончины преподобного.

Ученики и последователи преподобного Сергия далеко разошлись по всей Руси. Они основали десятки монастырей, ввели монашеское общежитие, просвещая и духовно наставляя людей. Отметим, что целый ряд открытых самим Сергием и его ближайшими учениками монастырей как бы закольцевали Москву – Спасо-Андроников монастырь на Яузе, Симонов монастырь, Богоявленский монастырь в Коломне, Благовещенский монастырь на реке Киржач, Серпуховской Высоцкий монастырь. Эти и другие обители стали духовными твердынями, без которых возвышение Москвы могло бы не состояться. Не забудем и значительных трудов племянника и воспитанника преподобного Сергия, святого Феодора, ставшего со временем архиепископом Ростовским. Он был духовником великого князя Дмитрия Донского и очень многое сделал для духовного устройства в Москве и других местах великого княжества.

XIV век был временем возвышения Москвы, эпохой духовного роста и сплочения Руси.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Сергий Радонежский: Сборник. М., 1991.*
2. *Житие святого отца нашего Петра, митрополита Киевского и всея России // Избранные жития русских святых (XX вв.). М., 1992.*
3. *Житие святого отца нашего Алексия, митрополи-*

та Московского и всяя России чудотворца // Избранные жития русских святых (X-XV вв.). М., 1992

4. Куликовская битва. М., 1980

5. Борисов Н. С. *И свеча бы не угасла... Исторический портрет Сергия Радонежского.* М, 1990.

6. Прохоров Г. К. *Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы,* Л., 1978.

ТЕМА 8 ГРОЗА НАД МОСКВОЙ

В ночь на 25 августа 1530 года на Москву обрушилась настоящая буря. Гремел гром, сверкали молнии. А днем на свет появился наследник великого князя Василия III. Названный при крещении Иоанном, он станет первым русским царем — Иоанном IV, более известным под именем Ивана Грозного. Правление этого царя и его сына Феодора (оказавшегося последним правителем из династии Рюриконичей) подытожили долгий путь превращения после Куликова поля Великого княжества Московского в мощное Русское государство, единственную тогда православную державу в мире. Много раз на этом пути над Москвой собиралась гроза, много ей пришлось преодолеть трудностей и препятствий. Но Русь не погибла, Москва не была повержена, а еще больше укрепилась. Ее великие князи и цари сами стали грозой для многих соседей, а подчас и для подданных.

Известный русский историк XIX века С.М. Соловьев не без оснований определял период XV-XVI ве-

ков как время утверждения «государственных начал» на Руси вместо прежде преобладавших «родовых». Действительно, для того, чтобы великое княжество превратилось в царство, требовалось многое, что для тогдашней Руси было жизненной необходимостью. Нужно было централизовать государство, покончив с чрезмерными амбициями князей и бояр. Создать мощный слой служилых людей — военных, а также гражданских чиновников, свергнуть наконец татарское иго. Отбросить наступление поляков и литовцев на западе. Укрепить веру, благочестие, трудолюбие и покорность законным властям в народе. Найти верные основы взаимоотношений с иерархами и пастырями Церкви. Все эти задачи, хотя и с известными издержками, были выполнены к концу данного периода, т.е. к началу XVII века.

Толчком к значительному переустройству государственной власти стала разгоревшаяся в середине XV века в Великом княжестве Московском междоусобица. После смерти в 1425 году старшего сына Дмитрия Донского великого князя Василия I следующий по старшинству его сын — Юрий Дмитриевич — начал борьбу за великое княжение с Василием II, своим племянником (сыном Василия I). Он пытался обосновать собственные привилегии в духе «родовых начал», ссылаясь и в Орле перед ханом на «летописцы» и «старые списки». Когда в главную ставку Юрия — город Галич Костромской — прибыл митрополит Фотий, князь Юрий Дмитриевич устроил своего рода демонстрацию, собран в городе из многих мест подчиненных ему бояр, «лучших людей» и даже «чернь». Однако державные притязания князя показали предстоятелю

Церкви неуместными и нелепыми. Митрополит Фотий едко заметил Юрию Дмитриевичу, что никогда еще не видел столько народа в овечьей шерсти и сермягах. Борьба за власть Юрия Дмитриевича и его сыновей Василия Косого и Дмитрия Шемяки с великим князем Василием II продолжалась четверть века. Она сопровождалась немалыми человеческими жертвами, опустошениями, интригами, глубоким вовлечением в конфликт обеими сторонами Ордынского хана, великого князя литовского и удельных князей, взаимным ослеплением князей и бояр, - со всей определенностью поставив вопрос о дальнейшей централизации власти, о повышении ее авторитета. И вместе с тем обнажив неэффективность прежних принципов родовой княжеской солидарности.

Не случайно поэтому уже сын и внук Василия II — Иван III и Василий III, правившие во второй половине XV и первой трети XVI веков именуются «державными» и неофициально даже — царями. Однако новый тип власти должен был быть утвержден и официально, и в сознании подданных, и, - что особенно важно — в обязательствах государя перед Всевышним. Собственно, и раньше предусматривалось участие Церкви при вступлении князя во власть. Князь получал благословение епископа, читавшего с амвона молитву «еже благословити князя». Эта молитва дошла до нас в Требнике XIV века.

Однако в 1547 году в Москве было совершено нечто большее. Предстоятель Русской Православной Церкви, святой митрополит Макарий совершил венчание на царство Ивана Васильевича (Ивана IV). Чин венчания, который позднее уточнялся в деталях, был

подобен греческому (тому, по которому с X века возводили во власть византийских императоров). По такому чину и русские цари через таинство миропомазания получили особую милость от Бога, становясь Его помазанником. Отметим, что очень осведомленный в государственных и церковных делах царь Иван IV получил в 1562 году также и грамоту Константинопольского патриарха с подтверждением его царского достоинства.

Впрочем, самодостаточность и «самодержавность» московских государей была подтверждена еще раньше. В 1480 году последняя попытка Ордынского хана Ахмата заставить Русь платить дань потерпела провал. После «стояния» на реке Угре ордынцы отступили, так и не вступив в бой с большим Московским войском. В те же годы великий князь Иван III, которого еще раньше, чем его внука Ивана IV, подчас именовали Грозным, сломил сопротивление новгородцев и тверитян, покончив с их самостоятельностью. В первой половине XVI века у Литвы были отвоеваны Брянск, Чернигов и Смоленск. В 1552 году уже под руководством царя Ивана Грозного сокрушено и уничтожено Казанское ханство, а в 1556 году и Астраханское ханство признало свою вассальную зависимость от Москвы. В 1582 году в результате похода Ермака Тимофеевича и его сподвижников казаки уничтожили Сибирское ханство (последний хан был пленен в 1588 году).

Пределы Русского государства раздвинулись несколько на запад и очень далеко — на восток. Разумеется, борьба с соседями и врагами Руси далеко не всегда была удачной. Еще в XV веке великий князь Васи-

лий II попал в плен к татарам, что вызвало необходимость сбора большой дани на выкуп. Были крупные неудачи у Русского государства и позднее. Так, неоднократно, особенно в XVI веке, разоряли Москву и другие русские города лютые и жестокие враги — крымские татары. Впрочем, в 1572 и 1591 годах крымчаки сами потерпели тяжелые поражения. Оба раза множество их утонуло при переправе в Оке. Тяжёлой и неудачной для Москвы была Ливонская война во второй половине XVI века. Выход к Балтике тогда Руси получить не удалось: немцы, шведы, литовцы и поляки — все пытались этого не допустить.

И все же мощь и величие Москвы в XVI веке выросло очень сильно. В 20-х годах этого века старец одного из псковских монастырей Филофей в своих посланиях в Москву настаивал, что столица Руси становится «Третьим Римом»: «вся христианская царства приидоша во един и снисдошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть россеско царство: два убо Рима падоша (Рим и Новый Рим — Константинополь — С.У.), а третий стоит, а четвертому не быти». Эти послания отразили тот несомненный факт, что именно Русь осталась единственным христианским царством и оплотом «пресветлого Православия». В то же время, обоснование Филофеем данного положения было небезупречным. Еще менее ясными выглядели возможные следствия, вытекавшие для Руси и ее нового избранничества. Разрешение этих вопросов пришлось искать в последующих XVII и XVIII столетиях.

Но возрастание мощи Русского государства – считать ли его «Третьим Римом» или нет – не могло

не предполагать прочных духовных оснований. Они были заложены еще раньше, но не растеряны и в данный период. В 1441 году великий князь Василий II, русские православные иерархи и весь православный московский народ категорически отвергли провозглашенную латинским Ферраро-Флорентийским собором унию с римским папой православных Востока. Подписавший унию предстоятель Русской Церкви грек митрополит Исидор по возвращению в Москву был смещен, а затем бежал на Запад.

На рубеже XV-XVI веков в Москве была разгромлена ересь «жидовствующих» (термин чуть более позднего времени, тогда писали «жидовская мудрствующих»). Иудействующие еретики искажали Священное Писание, отрицали почитание святых икон, отвергали или извращали многое в Священном Предании. Среди еретиков был распространен такой гнусный порок, как содомия. Они тайно глумились над христианскими святынями: святым крестом и иконами.

В сущности, «жидовская мудрствующие», как указал один из главных обличителей данного учения, преподобный Иосиф Волоцкий, были даже не еретиками, а отступниками от Православия. Между тем они имели сильных покровителей, одно время очень близко стоявших к великому князю Ивану II — сноху князя Елену Стефановну, митрополита Зосиму, дьяка Федора Курицына. Последний, вероятно, был автором программного сочинения этой группы — «Повести о Дракуле». В ней показаны некоторые устремления еретиков, надеявшихся на укрепление в Русском государстве деспота, подобного трансильванскому правителю

Владу Дракуле. Только такой «справедливый» деспот, как надеялись еретики, мог бы навязать Руси совершенно чуждые для нее «идеалы».

Однако эти далеко идущие планы врагов Православия были посрамлены. Ревнители благочестия во главе со святителем Геннадием, архиепископом Новгородским, и преподобным Иосифом Волоцким на соборах Церкви в 1490 и 1504 годах добились отлучения от Церкви «хулителей Святой Троицы, Христа Спасителя, Пресвятой Богородицы и Церкви Христовой».

Но кроме еретиков в XVI веке русским государям пришлось смирять еще и самоволие удельных князей, боярской знати, интригами и «крамолами» причинявшими немалый ущерб крепнущей Руси. В этой связи заслуживает внимания итоговая оценка митрополитом Иоанном в его труде «Самодержавие духа» правления Ивана Грозного: «дело жизни царя было сделано — Россия окончательно и бесповоротно встала на путь служения, очищения и обновления опричниной» Такой подход может показаться странным и непривычным, учитывая многочисленные обличения опричнины царя Ивана IV в исторической литературе.

Разумеется, мы не собираемся идеализировать государя Ивана Грозного. Достаточно вспомнить его многочисленные браки, последние из которых оказались уже за гранью церковных норм и обычаев. Несомненно, что царь подвергал нередко необоснованным гонениям достойных людей и даже настоящих праведников. В этой связи нельзя не вспомнить смещение и потом погубление святителя Филиппа, митрополита Московского.

Однако политика «опричнины» то есть выделение в прямое подчинение царю значительной части страны (помимо прежней знати), имела свой смысл. Как бы ни были далеки сами «опричники» служившие в этом царю, от поставленных им требований государева дела, задача создания нового военно-служилого аппарата власти для сильно разросшегося государства была в значительной степени выполнена уже при царе Иване IV.

То, что противостояние поставленным царем задачам государственного строительства было очень сильным, показывает многое. И длившийся во время малолетства царя Ивана боярский произвол, включая многочисленные казни опальных. И отказ многих приближенных ко двору представителей знати присягнуть сыну царя во время его опасной болезни. И, помимо прочего, впечатляющая переписка с царем Иваном Грозным князя Андрея Курбского, который во время Ливонской войны изменил Русскому государству, перебежал на сторону врага и даже воевал вместе с поляками против соотечественников. Оправдывая свое предательство, князь Андрей Курбский обрушился на царя за его притеснение «сильных во Израиле воевод» (т.е., «Новом Израиле» – С.У.). Однако царь Иван IV категорически отвергал такие попытки опереться на «родовые» начала, замечая, что «сильные во Израиле» не там, где «лучшие люди» Курбского. Государь ярко выразил самую суть «русской идеологии», источник власти православного царя: «Русская земля правится Божиим милосердием, и Пречистые Богородицы милостию, и всех святых молитвами, и родите-

лей наших благословением, и последи наши, своими государи, а не судьями и воеводы».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. М., 1982.
2. Преподобный Иосиф Волоцкий. Проветитель. М., 1993.
3. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993.
4. Митрополит Иоанн. Самодержавие Духа. СПб., 1994.
5. Каргалов В. В. Конец Ордынского ига. М., 1980.
6. Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. М., 1988.
7. Творогов О. В. Древняя Русь: События и люди. СПб., 1994.

ТЕМА 9

РОССИЯ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

XIX век оказался переломным в русской истории. К тому времени Россия достигла апогея своего державного могущества и территориального расширения. Она стала одной из главных величин в мировой политике, от нее зависело решение судеб многих государств и народов. Общественная и культурная жизнь страны достигла невиданного расцвета и разнообразия. Казалось бы, все это сулило России многообеща-

ющее будущее и в XX столетии. Но последовали две мировые войны и несколько российских катастроф.

XIX век оказался переломным для России не только во времени, но и в пространстве. Став самым крупным в мире государством по своей территории, наша страна вступила затем в полосу колоссальных потрясений, когда ее «тело» не один раз кромсалось на части и ужималось до предела. На время и само имя России исчезало с географической карты. Эта эпоха с особой отчетливостью выявила опасности, сулившие России в силу особенности ее положения страны, лежащей между Европой и Азией. Точнее, и во времени, и в пространстве Россия находится между Востоком и Западом. Мы случайно делаем упор именно на эти, предельно общие, понятия («Восток» и «Запад», а не только «Европа» и «Азия»), ибо именно они с очень давних времен приобрели особый, очень многозначительный смысл. Ибо еще в ветхозаветных книгах Исход и пророка Малахии «Восток» и «Запад» понимаются как целый свет с отдаленными его сторонами.

Правда, существует точка зрения, что Россия по своему происхождению, сущности и культуре ничего общего с Востоком не имеет. В наше время одна из наиболее любопытных ее вариаций была выдвинута академиком Д. С. Лихачевым – о том, что в культурно-историческом плане Россия никогда не была «Востоком», являясь в сущности «Скандовизантией», иначе говоря, наследуя как греческой религиозной и культурной традиции Византии, так и военно-государственному опыту варягов, приглашенных «править и владеть нами» (Рюрик и другие). Однако такая аргументация встречает серьезные возражения знатоков

истории и культуры. Так, например, Г. С. Лебедев отмечал, что после создания древнерусского государства дальнейшая судьба страны была связана с развертыванием страны в евро-азиатской системе мировых коммуникаций, в широтном направлении – с Запада на Восток, датский ученый Йоост ван Баак также подчеркивал открытость России Востоку, добавляя, что, начиная со времен императора Петра I ось “Запад – Восток” становится доминантным ориентиром и моделью ценностной шкалы. Это значит, что культурные, религиозные, идеологические конфликты также рассматриваются как оппозиция по этой оси.

Долгое время благоверные князья и цари Руси старались отстаивать свою землю Русскую, защищать веру Православную, не преклоняясь ни европейским, ни азиатским властителям. Правда, был и вынужденный период подчинения Золотой Орде. Некоторые авторы (особенно определенно – Л. Н. Гумилев) подчеркивают, что в ту эпоху сущность Руси изменяется кардинально. Например, Л. Н. Гумилев утверждал: “Москва не продолжала традиций Киева (...) заменив их другими нормами поведения, во многом заимствованными у монголов — системой строгой дисциплины, этнической терпимости и глубокой религиозности”. Утверждать такое в современной России можно лишь пользуясь тяжелым историческим беспомощством, характерным для нашего времени. Между тем русские люди отнюдь не нуждались в заимствованиях какой-то религиозности у язычников – монголов. Они и отличались ранее XIII века «этнической терпимостью» к грекам, славянам, тюркам, берендеям, половцам и другим народам. Не жаловались особенно на

слабую дисциплину и многие русские князья, будь то Олег, Святослав или более поздние, уже православные великие князья Киевские – от Владимира Крестителя до Владимира Мономаха. Другое дело, что все эти качества были особенно укреплены и закалены в жесточайших условиях татарского ига. Что бы ни утверждали Л. Н. Гумилев и другие поборники золотоордынского гнета, не «симбиоз» с восточными ханами, а уничтожение татарского ига и сокрушение Казани царем Иваном Грозным открыло России пути в Азию, в результате чего ее государственное «тело» разрослось далеко за Волгу и Урал – вплоть до Тихого океана.

Однако со времен императора Петра I духовная и политическая ориентация Российского государства не только теряет свою определенность, но и начинает значительно отклоняться от прежних чаяний «Святой Руси» к попыткам построения «Великой России» на западный манер. Со временем опасности такого курса все более осознавались выдающимися людьми России. Уже после катастрофы первой мировой войны, революции и гражданской войны в России некоторые из оказавшихся в эмиграции русских мыслителей отмечали его пагубные последствия. Так, «евразийцы» подчеркивали, что правящий слой Российской империи, включавший правительство и интеллигенцию, «настолько европеизировался, что почти потерял свою русскую душу, не приобретя, впрочем, и европейской. Он сохранял русские свойства и даже специфически русские дарования, но без организующей их русской идеи».

Впрочем, еще задолго до «евразийцев» в России XIX века лучшие умы искали пути самоопределения

нашей страны в восточно-западном пространстве. В этой связи Федор Михайлович Достоевский напоминал, что «вся наша русская Азия, включая и Сибирь, для России все еще как будто существует в виде какого-то привеска, которым как бы вовсе даже и не хочет европейская наша Россия интересоваться». Во время русско-турецкой войны писатель настаивал на необходимости для России скорейшего решения Восточного вопроса и освобождения от турок Константинополя. «Константинополь должен быть наш», - писал Достоевский, подчеркивая, что «Восточный вопрос есть в сущности своей разрешение судеб Православия (...). С Востока и пронесется новое слово миру навстречу грядущему социализму, которое, может, вновь спасет европейское человечество. Вот назначение Востока, вот в чем для России заключается Восточный вопрос».

Одновременно с Достоевским в 80-х годах XIX века за решительное наступление России в важнейшем для нее Восточном вопросе ратовал и выдающийся русский мыслитель Константин Николаевич Леонтьев: «если не слишком опоздаем присоединить Царьград (Константинополь), то все тотчас исправится; а без счастливой войны, разумеется, нельзя ничего сделать, и я, веря в будущность России, верю и в близость этой счастливой войны». Показательно, что уже во время первой мировой войны, в 1916 году, государю Николаю и был представлен план экспедиции русского флота для овладения Константинополем. Командующим операцией предполагалось назначить адмирала Колчака. Однако следующий 1917 год принес России нечто иное...

Между тем взятие Россией Царьграда, как именовали Константинополь еще в древней Руси, по мнению К. Н. Леонтьева способствовало бы заложению там «основ нового культурно-государственного здания», что стало бы началом «Великого Восточного Союза» и «оригинальной славяно-азиатской цивилизации». Однако мало кто в России хотел задумываться над этими важнейшими для страны проблемами. В подавляющем своем большинстве русское «образованное общество» пребывало в плену европоцентризма. С огромным аппетитом оно поглощало все новейшие «веяния» из Европы от очередных философских трактатов и романов до самых последних средств от перхоти и парижских мод, тщательно перерисованных в популярных журналах.

Нечувствие к Востоку было одной из характерных черт русской общественной жизни XIX - начала XX веков. А ведь есть и тот Восток, о котором повествовалось в псалмах, в видении пророка Иезекииля и в других местах Священного Писания. Об этом «Востоке свыше» давно знала Православная Русь. И в России XIX века об этом можно было узнать и в приходском храме, и в школе, и во многих учебных изданиях. Вот что, например, сообщалось в одном из словарей, изданных в дореволюционной России: «Восток – страна света, источник света солнца, откуда оно несет миру жизнь, свет и благодать; Иисуса Христа за то, что Он учением Своим и смертью просветил и спас людей, косневших во тьме и сени смертной, называют Востоком свыше».

Но для многих в России начала XX века этот Восток оказывался в густом тумане. Как вспоминал позд-

нее митрополит Вениамин (Федченков), «нас воспитывали в идолопоклонстве уму, чем страдало все наше интеллигентное общество XIX века, особенно же с 60-х годов». И продолжал: «(...) если Библия была таким же учебником, как и другие (история, алгебра, геометрия, психология и проч.), то и отношение к ней было совершенно подобным: холодным. Раз учебник, то уже неинтересно! Вот если бы было что «запрещенное», недозволенное, тогда иное дело. И внутренне Библия нас никогда не захватывала».

Только после катастрофы 1917-1922 годов оказавшись в немалой своей части в эмиграции, русская интеллигенция изменила точку обзора окружающего мира. Если раньше она смотрела из России в Европу, то позднее, уже в Зарубежье, получила новые возможности постижения судьбы России. Поэтому для нас не могут быть безразличны основные выводы русской зарубежной мысли. А они гласят, что Россия «и есть, и будет, она живой организм», посягательства на целостность которого чреваты огромными опасностями. Наконец, уделяя большее, чем прежде, внимание российским интересам в Азии, необходимо избегать соблазна «растворить Россию в «Евразии».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Митрополит Вениамин (Федченков). *О вере, неверии и сомнении.* – СПб., 1992.
2. Гумилев Л. Н. *От Руси к России: очерки этнической истории.* – М., 1992.
3. Достоевский Ф. М *Возвращение человека.* – М., 1989.

4. Леонтьев К. Н. *Записки отшельника.* – М, 1992.
5. *Мир России – Евразия: Антология.* – М., 1995.
6. *Русская идея.* – М, 1992.
7. Семенникова Л. И. *Россия в мировом сообществе цивилизаций.* – Брянск, 1999.
8. Усманов С. М. *Безысходные мечтания: Русская интеллигенция между Востоком и Западом во второй половине XIX - начале XX века.* – Иваново, 1998.

ТЕМЫ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ ПО КУРСУ

1. Происхождение, расселение, занятие и верования древних славян.
2. Первые русские князья.
3. Духовные, культурные и политические центры Древней Руси.
4. Крещение Руси и русское государство.
5. Русский человек в ‘Слове о полку Игореве’.
6. Великий князь Александр Невский и татарское иго.
7. Западная и Южная Русь под польско-литовским владычеством.
8. Причины, особенности и последствия возвышения Московского княжества.
9. Русь после Куликова поля до стояния на Угре.
10. Третий Рим.
11. Царь Иван Грозный и его время.

Приложение 1

И.Н. Данилевский

Александр Невский: Парадоксы исторической памяти

"Цепь времен": Проблемы исторического сознания. М.: ИВИ РАН, 2005, с. 119-132.

Князь Александр Ярославич Невский занимает особое место среди сакрализованных персонажей российской истории. Судя по опросам, это самый популярный персонаж древнерусской истории¹. В глазах наших соотечественников он предстает прежде всего как защитник Отечества, рыцарь без страха и упрека, всю свою жизнь посвятивший защите священных рубежей Родины. Как ни странно, это представление сформировалось не так давно: ему нет еще и семидесяти лет, поскольку в основе такого образа лежит гениальный фильм С.М. Эйзенштейна «Александр Невский» (1939 г.). И не важно, что рецензию на литературный сценарий «Русь», лежащий в основе киношедевра, М.Н. Тихомиров озаглавил «Издевка над историей»². Для подавляющего большинства граждан России именно этот фильм (если, конечно, не считать школьные учебники для 6 класса) стал основным источником информации о великом предке.

Наверное, поэтому обращение к историческим источникам, повествующим о жизни и делах князя, попытка разобраться, какую реальную роль сыграл Александр в истории нашей страны, и где коренятся истоки привычного образа спасителя и защитника Отечества, вызывают, как правило, довольно жесткое неприятие у наших современников. Обращение же к историографической традиции мешает проводить такую тенденцию: образ князя явно начинает уступать своему основному «сопернику» в исторической памяти россиян - образу Дмитрия Ивановича Донского.

1 Храпов В. Кого дают в герои нашим детям // Знание — сила. 1990. № 3; Левинсон А.Г. Массовые представления об «исторических личностях» // Одиссей -1996: Ремесло историка на исходе XX века. М., 1996.

2 Тихомиров М.Н. Издевка над историей // Историк-марксист. 1938. № 3.

120

Действительно, в самых ранних источниках, авторы которых едва ли не лично знали князя³, описания и характеристики даже самых ярких событий, связанных с именем Александра Ярославича, выглядят довольно заурядно⁴. Поэтому апологетически настроенным историкам то и дело приходится прибегать к методу, предложенной в свое время М. Хитровым, сетовавшим, что «к великому сожалению, в рассказе о св. Александре Невском нам приходится довольствоваться скудными историческими известиями», поскольку «летописные известия о лицах и событиях XIII и XIV веков кратки, отрывочны и сухи». В этих условиях,

считает он, «единственное средство сколько-нибудь помочь горю - это самому автору проникнуться глубоким благоговением и любовью к предмету изображения и чутьем сердца угадать то, на что не дают ответа соображения рассудка»⁵. Из этого-то источника обычно и черпают недостающие сведения.

3 Автор житийной повести об Александре прямо сообщает: «Азь худый и многогрешный, малосъмысля, покушаюся писати житие святого князя Александра, сына Ярославля, а внука Всеволожа. Понеже слышах от отецъ своихъ и самовидецъ есмь възраста его, радъ бых исповедалъ святое и честное и славное житие его» (Повести о житии и о храбрости благовернаго и великаго князя Александра// Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 426).

4 Впрочем, не стоит забывать, что задачи автора агиографического произведения были несколько иными, нежели это представляется многим современным исследователям, которые невольно приписывают древнерусским авторам нынешние представления об Александре: «В житии Александра Невского... главным образом представлены эпизоды, которые говорят о нем, как о непобедимом князе-полководце, известном всюду своими военными подвигами, и как о замечательном политике» (Строков А., Богусевич В. Новгород Великий: Пособие для экскурсантов и туристов. Л., 1939. С. 23). Ср. более «мягкое», но от того вряд ли более верное определение: «Составление полной биографии князя Александра не входило в задачи автора. Содержанием жития является краткое изложение основных, с точки зрения автора, эпизодов из его жизни, кото-

рые позволяют воссоздать героический образ князя, сохранившийся в памяти современников, - князя-воина, доблестного полководца и умного политика» (Охотникова В. И. Житие Александра Невского: Комментарий] // Памятники литературы Древней Руси: XIIIвек. М., 1981. С. 602)

5 Хитров М. Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский: Подробное жизнеописание с рисунками, планами и картами. М., 1893 [Л., 1992].С. 10-11.

121

Победа на Неве стоила новгородцам и ладожанам жизни двадцати земляков («или мне [менее], Богь весть», - философски замечает автор сообщения в Новгородской первой летописи ⁶). Правда, врагов было перебито «много множество», но - на другом берегу Ижоры, «иде же на бе проходно полку Олександрову», уточняет Лаврентьевская летопись ⁷. Полагать, что эта битва действительно стала «важным этапом» в борьбе за выход Руси в Балтийское море (который она и без того имела вплоть до начала XVII в.), или что она «уже в XIII веке предотвратила потерю Русью берегов Финского залива и полную экономическую блокаду Руси» ⁸, — наивно. И до, и после нее шведы неоднократно высаживались на побережье юго-восточной Прибалтики. И до, и после нее они даже строили здесь крепости. И до, и после нее новгородцы и подстрекаемые ими карелы совершали опустошительные набеги на шведские земли. И до, и после нее заключались мирные договоры (оказывавшиеся, впрочем, недолговечными). И все это никогда не приводило ни к «потере», ни к «блока-

де». Шведы, судя по «Хронике Эрика», подробно повествующей о событиях в данном регионе в XIII в., вообще умудрились не заметить этого сражения⁹. Даже автор приведенных выше «официальных» советских характеристик Невской битвы вынужден был заключить: «после разгрома (!) на Неве шведское правительство не отказалось от мысли овладеть землей финнов»¹⁰.

Все это свидетельствует о том, что с точки зрения современного прагматического мышления очень трудно понять, что же, собственно, заставило агиографа именно это событие сделать ключевым в создании образа святого князя Александра Ярославича. Мало того, в глазах автора жития Невская битва по своему значению, судя по всему, превосходила Ледовое побоище. Во всяком случае, описание последнего значительно уступает рассказу о сражении в устье Ижоры даже по объему. В Новгородской первой летописи сообщение о битве на Неве по количеству слов в полтора раза превосходит описание Ледового побоища¹¹, в Лаврентьевской - только перечень подвигов, совершенных дружинниками Александра в устье Ижоры, вдвое превышает рассказ о сражении на льду Чудского озера¹².

6 Новгородская первая летопись старшего извода (Синодальный список) // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (Полное собрание русских летописей. Т. 3). [2-е изд.]. М., 2000. С. 77.

7 Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1998. Стб. 480.

8 Очерки истории СССР: Период феодализма. IX-XV вв. В двух частях. М., 1953. Ч 1 С. 845.

9 См.; Хроника Эрика. Выборг, 1994.

10 Очерки истории СССР... IX-XV вв. Ч. 1. С. 886.

11 Новгородская первая летопись. С. 77. 12 Лаврентьевская летопись. Стб. 478.

122

Впрочем, и летописные повествования о Ледовом побоище вызывают у нашего современника ничуть не меньше вопросов. Суть дела сводится в них к довольно ограниченной информации. Так, согласно Новгородской 1 летописи, после изгнания из Пскова крестоносцев, приглашенных туда самими псковичами в 1240 г.¹³, Александр Ярославич по не вполне ясным причинам отправился дальше на запад, «на Чюдь», вторгаясь в земли Дорпатского епископства. Здесь он «пусти полкъ весь в зажития¹⁴», при этом отряды под командованием Домаша Твердиславича и Кербета «быша в розгоне¹⁵». «Немци и Чюдь» разбили эти отряды, Домаша убили, «а инехъ руками изымаша, а инии къ князю прибегоша в полкъ». После этого Александр отступил к Чудскому озеру и здесь, «на Узмени, у Воронея камени» встретил догонявшего его неприятеля. Само описание битвы занимает чуть больше ста слов:

«И наехаша на полкъ Немци и Чюдь и прошибошася свиньєю сквозе полкъ, и бысть сеча ту велика Немцемъ и Чюди. Богъ же и святая Софья и святою мученику Бориса и Глеба, еюже ради новгородци кровь свою прольяха, техъ святыхъ великими молитвами пособи Богъ князю Александру; а Немци ту па-

доша, а Чюдъ даша плеща; и, гоняче, биша ихъ на 7-ми версть по леду до Суболичьскаго берега; и паде Чюди бецисла, а Немець 400, а 50 руками яша и приведоша в Новъгородъ. А бишася месяца априля въ 5, на память святого мученика Клавдия, на похвалу святыхъ Богородица, в субботу»¹⁶.

13 Ср. выводы, к которым приходит автор последнего исследования, посвященного новгородско-псковским отношениям: «появление немцев во Пскове произошло с согласия значительной части псковской общины», и далее: «по большому счету, можно говорить о добровольной сдаче города самими жителями, а не кучкой бояр-заговорщиков»; причиной стало, видимо, то, что «псковичи предпочли в 1240 г. установление власти немцев возможному поглощению суверенной Псковской земли Новгородской волостью» (Валеров А. В. Новгород и Псков: Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI-XIV веков. СПб., 2004. С. 164, 165, 168).

14 Составители Словаря древнерусского языка XI-XI\\ веков (М., 1990. Т. 3. С. 301) и Словаря русского языка XI-XVII вв. (М., 1978. Вып. 5. С. 196) толкуют это слово как 'место заготовления съестных припасов и фуража'. Если принять эту трактовку, остается непонятным, почему местом заготовки припасов для новгородского князя оказывается враждебная территория. Некоторую ясность, впрочем, вносит следующая фраза.

15 Еще одно слово, которое требует специального пояснения. В Словаре русского языка XI-XIV вв. оно определяется как 'нападение по территорию противника с целью приобретения добычи'; любопытно, что

лексикографы «постеснялись» рассмотреть такое значение в данном сообщении и выделили последнее (и только его!) в особый случай: «Передовой отряд (?)» (М., 1995. Вып. 21. С. 172). Логичным поэтому выглядит толкование данного фрагмента летописи в «Очерках истории СССР»: «освободив Псков, Александр Ярославич повел свое войско в землю эстов, дав право войску воевать "в зажития", то есть нанося максимальный ущерб врагу» (Очерки истории СССР... IX-XV вв. Ч. 1. С. 848).

16 Новгородская первая летопись старшего извода (Синодальный список) // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (Полное собрание русских летописей. Т. 3). [2-е изд.]. М., 2000. С. 78.

123

Некоторые дополнения к этому описанию находим в житийной повести об Александре Ярославиче. После рассказа об «освобождении» Пскова агиограф сообщает, Александр «землю их [«безбожных немецъ»] повоева и поже и полна взя бес числа, а овех иссече». Когда же «стражие» сообщили о приближении основных сил противника, «князь... Александръ опльчися, и поидоша противу себе». Автор Жития «уточняет» численность войск («покриша озеро Чюдское обои от множества вой», причем добавляется, что Ярослав Всеволодович прислал в помощь Александру «брата меньшого Андрья... въ множестве дружине»). Само описание сражения предельно метафорично:

«И бысть сеча зла, и трусь от копий ломления, и звукъ от сечения мечнаго, яко же и езеру померзъшоу

двигнутися, и не бѣ видѣти леду, покры бо ся кровию». В результате с Божьей помощью (воплощением ее, в частности, явился «полкъ Божий на въздусе, пришедши на помощь Александрови») князь «победи я..., и даша плеща своя, и сеча хуть я, гоняще, аки по иаеру [те. по воздуху], и не бе камо утещи». «И возвратися князь Александръ с победою славною, — заключает агиограф, — и бяше множество полоненых в полку его. и ведяхут босы подле коний, иже именуют себе божий ритори»¹⁷.

В псковских летописях, зависящих от новгородского летописания, о битве говорится еще более кратко. Упоминается лишь, что сражение произошло «на леду», а противников Александр «овы изби и овы, связавъ, босы поведе по леду»¹⁸. Псковская 3-я летопись добавляет: «паде Немец ратманов 500, а 50 их руками изымаше, а Чюдь побеже; и поиде князь по них, секуще 7 верстъ по озеру до Собилицкого берега, и Чюди много победи, имъ же несть числа, а иных вода потопи»¹⁹.

17 Повести о житии и о храбрости благовернаго и великаго князя Алексан- дра // Памятники литературы древней Руси: XIII век, М., 1981. С. 432,434.

18 Псковская 1-я летопись (Тихановский список)// Псковские летописи. (Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 1.). М., 2003. С. 48.

19 Псковская 3-я летопись (Строевский список) // Псковские летописи. С. 82.

И уж совсем скромное описание «побоища» в Лаврентьевской летописи (опирающейся в данном случае на великокняжеский свод 1281 г., составленный при сыне Александра, князе Дмитрие): «В лето 6750. Ходи Александръ Ярославичъ с Новъгородци на Немци и бися с ними на Чюдъскомъ езере у Ворониа камени. И победи Александра и гони по леду 7 верст секочи их»²⁰. Впрочем, в Ипатьевской летописи (отразившей в этой части враждебное Александру галицко-волынское летописание) вообще отсутствуют какие бы то ни было упоминания о «крупнейшей битве раннего средневековья». Видимо, прав был новгородский летописец, описывавший Раковорскую битву 1268 г. (которой не так повезло с исторической памятью, как Ледовому побоищу, состоявшемуся всего за четверть века до того): «бысть страшно побоище, яко не видали ни отци, и деди»²¹.

Обращение же к источникам, появившимся «по ту сторону», еще больше снижает представление о масштабах и последствиях сражения на Чудском озере. В частности, итоги битвы видятся автору немецкой Рифмованной хроники гораздо более скромными, нежели они представлялись древнерусскому летописцу (а за ним и большинству наших современников):

«С обеих сторон убитые падали на траву. Те, кто был в войске братьев, оказались в окружении. У русских было такое войско, что, пожалуй, шестьдесят человек одного немца атаковало. Братья упорно сражались. Всё же их одолели. Часть дорпатцев вышла из боя, чтобы спастись. Они вынуждены были отступить.

Там двадцать братьев осталось убитыми и шестеро попали в плен»²².

Итак, не 500 и даже не 400 убитых и 50 захваченных в плен рыцарей, а всего 20 и 6. Вообще-то, и это - вполне солидные потери для Ордена, общая номинальная численность которого вряд ли превышала сотню рыцарей. Но в нашей исторической памяти масштабы сражения напрямую связываются с его значением. Если уж битва, то десятки тысяч с одной стороны, десятки тысяч с другой... Приходится, однако, смириться со свидетельством источников. В крайнем случае, историки пытаются «согласовать» числа, приведенные древнерусскими летописцами, и данные Рифмованной хроники: ссылаются на то, что летописец, якобы, привел полные данные потерь противника, а Хроника учла только полноправных рыцарей. Естественно, ни подтвердить, ни опровергнуть такие догадки невозможно.

20 Лаврентьевская летопись (Полное собрание русских летописей. Т. 1). (3-е изд.] М, 1997. Стб. 523.

21 Новгородская первая летопись... С. 85 (курсив мой. - И.Д.).

22 Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь: Конец XII в. - 1270 г. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 2002. С. 234.

125

Так что, «побоище» по «внешним признакам» никак не выдается на фоне многочисленных сражений, которые пришлось провести жителям новгородских и

псковских земель в течение XIII в. Именно поэтому в историографии последних десятилетий прилагаются такие усилия, чтобы повысить статус сражения на льду Чудского озера - несомненно, самой крупной победы, одержанной князем над врагами Русской земли, но далеко не самой крупной и важной даже для новгородской и псковской истории XIII века. Что же до общерусского значения этих событий, то о нем можно говорить, лишь забыв о чудовищной катастрофе, которая обрушилась на Русь в 1236-1240 гг.

Тем не менее, именно Невская битва и Ледовое побоище стали ключевыми событиями для создателя Жития святого благоверного князя Александра Ярославича. И дело здесь не в военных и политических успехах князя: они волновали агиографа (в отличие от современных исследователей) меньше всего. Суть в том, что эти сражения стали своеобразными поворотными точками в сохранении в неприкосновенности идеалов православия. Последним угрожали и шведы, которые не просто так привезли с собой епископа (сведения о нескольких епископах, прибывших на берега Невы, представляются явным преувеличением), и Ливонский орден, одной из основных целей которого был не столько захват новых земель, сколько прозелитизм на покоренных и прилегающих к ним территориях. Недаром С.М. Соловьев подчеркивал:

«Зная..., с каким намерением приходили шведы, мы поймем то религиозное значение, которое имела Невская победа для Новгорода и остальной Руси; это значение ясно видно в особенном сказании о подвигах

Александра: здесь шведы не иначе называются как римлянами - прямое указание на религиозное различие, во имя которого предпринята была война»²³.

Видимо, в этом-то плане Невская битва и была существеннее победы на Чудском озере ²⁴.

23 Соловьев С.М. История России с древнейших времен// Соловьев С.М. Сочинения. М., 1993. Т. 3. С. 174 (курсив мой. - И.Д.).

24 Напомню, именно с прозвищем Невский Александр Ярославич вошел в нашу историческую память. Правда, его он получил не ранее конца XV в. Только тогда, по наблюдению В. В. Тюрин, он впервые упоминается в общерусских летописях с этим прозвищем (Тюрин В.В.. Древний Новгород в русской литературе XX в.: Реальность и мифы // Прошлое Новгорода и новгородской земли: Материалы науч. конф. 11-13 ноября 1998 года. Новгород, 1998. С. 197). Дело осложняется тем, что с тем же прозвищем в повести «О зачале царствующего града Москвы» из «Хронографа Дорофея Монемвасийского», сохранившегося в списке конца XVII в. (собрание Государственного Исторического музея) упоминаются сыновья Александра, которые ни при каких условиях не могли принимать участия в этой битве: «Лето 6889-го октября в 29 день в Володимере граде по державе князя Владимира державствовал князь Андрей Александрович Невский, а во граде Суздале державствовал князь Данил Александрович Невский» (Тихомиров М.Н. Древняя Москва: XII-XV вв. // Тихомиров М.Н. Древняя Москва: XII-XV вв.; Средневековая Россия на международных путях: XI\/-X\//вв.

М, 1992. С. 177). Иногда это объясняется тем, что прозвище Невский было связано не с победой Александра над шведами, а являлось посессивным, указывая на княжеские владения на берегах Невы.

126

Собственно, именно религиозное значение этих сражений молодого Александра и стало причиной помещения рассказа о них в житийную повесть. Было бы крайне странно, если бы автор жития задался целью прославить князя как военачальника или политика²⁵. Гораздо важнее для агиографа было объяснить читателю, какие деяния его персонажа позволяют судить о его святости, причислить его к лику святых. Для Александра таким поступком стало жесткое противостояние «латынянам» в то время, когда все прочие светские правители были либо покорены ими, либо вступили с ними в сговор, предав тем самым идеалы православия.

В 1204 г. под ударами крестоносцев пал Константинополь, что в итоге не только заставило императора Михаила VIII Палеолога искать помощи на Западе, но и привело в конце концов к полной религиозной капитуляции Константинопольской патриархии перед Папой. 6 июля 1274 г. была заключена Лионская уния. Патриарх Георгий Акрополит принес присягу Папе, признавая его верховенство в христианской церкви.

25 Ср.: «Автор жития, книжник из окружения митрополита Кирилла [ок. 1242 г - об.12.1281 г.], называющий себя современником князя, свидетелем его жизни, по

своим воспоминаниям и рассказам соратников Александра Невского создает жизнеописание князя, прославляющее его воинские доблести и политические успехи. Составление полной биографии князя Александра не входило в задачи автора. Содержанием жития является краткое изложение основных, с точки зрения автора, эпизодов из его жизни, которые позволяют воссоздать героический образ князя, сохранившийся в памяти современников, - князя-воина, доблестного полководца и умного политика» (Охотникова В.И. Житие Александра Невского... С. 602); или: «В житии Александра Невского... главным образом представлены эпизоды, которые говорят о нем, как о непобедимом князе-полководце, известном всюду своими военными подвигами, и как о замечательном политике» (Строков А.. Богусевич В. Новгород Великий... С. 23). Подобные высказывания свидетельствуют, скорее всего, о том, что их авторы слабо представляют себе цель создания агиографического произведения.

127

Кроме того, греки принимали верховную юрисдикцию Папы в канонических вопросах и необходимость почитать его во время церковных богослужений²⁶. Недаром, завершая свое горестное повествование о завоевании Царьграда «фрягами» в 1204 г., древнерусский книжник, очевидец этого события, заключает: «И тако погыбе царство богохранимаго Константияграда и земля Грьчьская въ сваде цесаревъ, еюже обладають Фрязи»²⁷. Кроме собственно конфессиональных для такого вывода имелись и вполне достаточные формальные основания: власть византийских императоров

была низложена, а столица ромеев стала столицей Константинопольской империи, или Романии (Латинской империи)²⁸,

С другой стороны, Даниил Романович Галицкий, героически сопротивлявшийся монголам, вынужден был периодически искать убежища и помощи у католических соседей. Его политический союз с венгерским королем Белой IV был скреплен браком княжича Льва Даниловича с дочерью Белы Констанцией. Впоследствии это позволило Даниилу добиться признания герцогских прав на Австрию за своим сыном Романом. В первой половине 1252 г. в замке Гимберг, южнее Вены, состоялась свадьба Романа Даниловича с наследницей австрийского престола Гертрудой Баденберг.

Мало того, еще в 1245 г. начались переговоры Даниила с папой Иннокением IV о военном союзе, условием которого должна была стать церковная уния (впрочем, она так и не была заключена). Это позволило Даниилу вмешаться в борьбу за австрийское наследство и около 1254 г. даже принять от папы императорские корону и скипетр.

На этом фоне резко выделяется поведение Александра Ярославича. Он не только не обращается за помощью к могущественным католическим правителям и иерархам, но и в довольно резкой форме отказывается от какого бы то ни было сотрудничества с «латынянами», когда те его предлагают:

«Некогда же приидоша къ нему послы от папы из великого Рима, ркуще: "Папа нашъ тако глаголет: Слышахом тя князя честна и дивна, и земля твоя велика. Сего ради прислахом к тебе от двоюнадесять кординалу два хытреца — Агалдада и Ремонта, да послушаеши учения ихъ о законе Божий"». Общаться с Папой Александр не пожелал, заявив: «От вас учения не приемлем»²⁹.

26 Осипова К.А. Восстановленная Византийская империя: Внутренняя и внешняя политика первых Палеологов // История Византии: В трех томах. М., 1967. Т. 3. С. 83.

27 Новгородская первая летопись... С, 49.

28 Каждан А.П. Латинская империя // История Византии. Т. 3. С. 15.

29 Повести о житии ... Александра. С. 436

128

В условиях страшных испытаний, обрушившихся на православные земли в первой половине XIII в., Александр - едва ли не единственный из светских правителей - не усомнился в своей духовной правоте, не поколебался в своей вере, не отступился от своего Бога. Отказываясь от совместных с католиками действий против Орды, он неожиданно становится последним властным оплотом православия, последним защитником всего православного мира. И народ понял и принял это, простив реальному Александру Ярославичу все жестокости и несправедливости, о которых сохранили множество свидетельств древнерусские летописцы. Защита идеалов православия искупила (но не

оправдала, как это делают многие современные историки) его политические прегрешения. Могла ли такого правителя православная церковь не признать святым? Видимо, поэтому он канонизирован не как праведник, но как благоверный князь. Победы прямых наследников Александра на политическом поприще закрепили, развили - и в конце концов изменили этот образ.

Самый существенный поворот в трансформации образа Александра как защитника православия произошёл в начале XVIII в., когда, собственно, и начал формироваться в общественном сознании новый образ Александра Невского - бескомпромиссного борца за независимость Руси-России. Одним из поводов послужило почти точное топографическое совпадение поля битвы князя со шведским десантом с местом, которое Петр I избрал для строительства новой столицы зарождающейся Российской империи. В 1724 г., по настоянию Петра и при его непосредственном участии мощи Александра были торжественно перенесены из Владимира-на-Клязьме в Санкт-Петербург. Вопрос борьбы за выход России в Балтику оказался самым тесным образом связан с воспоминаниями о победе Александра на Неве. Не без оснований Петр установил 30 августа днем памяти Александра Невского - именно в этот день был заключен Ништадтский мир со Швецией.

Образ Александра как защитника Русской земли стал с этого времени закрепляться в исторической памяти, чему способствовал целый ряд официальных

мероприятий, предпринятых преемниками Петра. Так, в 1725 г. Екатерина I учредила высшую военную награду - Орден св. Александра Невского. Императрица Елизавета в 1753 г. приказала поместить мощи Александра в серебряную раку. Затем стали ежегодно проводить специальный крестный ход из петербургского Казанского собора в Александро-Невскую лавру. Наконец, в начале XX века одну из московских улиц назвали именем Александра Невского.

129

Традиция почитания Александра Невского как выдающегося защитника Руси - казалось бы, вопреки официальной идеологии - была возрождена в советский период. Одним из важнейших моментов в этом и стал фильм С.М. Эйзенштейна - фильм не столько об историческом прошлом, сколько о ближайшем будущем России. Он оказался до такой степени актуальным накануне войны, что был запрещен к показу. И лишь после начала Великой Отечественной войны он вышел на экраны страны. В том же 1941 г. его создатели были удостоены Сталинской премии. Популярность фильма была так велика, что когда в июле 1942 г. был учрежден советский орден Александра Невского, его украсил портрет Н. Черкасова в роли Александра. Все это вызвало новую волну популярности главного героя фильма. Она поддерживалась и Русской Православной Церковью. В годы войны ею, в частности, были собраны пожертвования на строительство авиационной эскадрильи имени Александра Невского. В послевоенное время в нескольких советских городах (в

том числе, во Владимире) были установлены памятники Александру.

Естественно, в литературе 1940-50-х гг. военные заслуги Александра стали всемерно преувеличиваться³⁰, а его тесное сотрудничество с монголами - замалчиваться. Мало того, авторы большинства работ искали все новые аргументы для оправдания такого сотрудничества. Как несомненно позитивный момент стали рассматривать даже случаи использования Александром ордынских сил для укрепления личной власти, в борьбе против своих же братьев и покорения Новгорода и Пскова. При этом подчеркивалось, что сопротивление власти Орды пока было безнадежным, а потому содействие Орде в покорении русских земель характеризовалось как политическая прозорливость и мудрость.

30 Несомненным преувеличением выглядят официальные характеристики двух побед Александра в многотомных «Очерках истории СССР», ставших на многие годы образцом для характеристик этих событий в учебной, научно-популярной и, отчасти, научной литературе. Так, Ледовое побоище определяется там как «крупнейшая битва раннего средневековья», в ходе которой «впервые в международной истории был положен предел немецкому грабительскому продвижению на восток, которое немецкие правители непрерывно осуществляли в течение нескольких столетий». Причем «победа на Чудском озере - Ледовое побоище - имела огромное значение для всей Руси, для всего русского и связанных с ним народов, так как эта побе-

да спасала их от немецкого рабства. Значение этой победы, однако, еще шире: она имеет международный характер». В частности, «Ледовое побоище сыграло решающую роль в борьбе литовского народа за независимость, оно отразилось и на положении других народов Прибалтики», поскольку «решающий удар, нанесенный крестоносцам русскими войсками, отозвался по всей Прибалтике, потрясая до основания и Ливонский и Прусский ордена» (Очерки истории СССР... IX-XV вв. Ч. 1. С. 851, 852).

130

Так формировалась память об Александре, которая соответствовала имперской идеологии России и Советского Союза. Именно такая память долгие годы преподносилась как истинная история. Она была инкорпорирована в учебники и учебные пособия, в научно-популярные издания и с их помощью внедрялась в общественное сознание. До сих пор она оказывает влияние на историческую память наших сограждан, формируя у них имперское мышление и становясь важным инструментом в политической пропаганде.

В основе этой памяти смешение, по крайней мере, четырех разных образов Александра: великого князя Александра Ярославича, получавшего не самые лестные характеристики от своих современников; святого благоверного князя Александра, ставшего символом защиты православия в последние времена; Александра Невского - борца за выход в Балтийское море и, наконец, Александра Невского - защитника священных рубежей нашей Родины («А кто с мечом к нам придет, -

от меча и погибнет!»). Каждый из них сформировался в свое время и выполнял свои социальные, политические и идеологические функции. В массовом сознании все они слились в единый синкретический образ, в котором трудно отделить одного Александра от другого. Порой их путают даже профессиональные историки, полагающие, что спокойный взгляд на дела «реально-го» Александра (как, впрочем, и критические замечания по поводу оценок этих дел в советской историографии, - смешивающиеся, кстати, с оценками деятельности самого Александра) порочат священное для россиян имя. Несогласные обвиняются, по меньшей мере, в экстравагантности. При этом главное, на что обращается внимание, - верность избранного Александром пути развития России ³¹.

31 Ср.: «Действительно, с позиций сурового ригоризма восточная политика Александра Невского не так впечатляет, как гибель Михаила Черниговского (!?), но направление было выбрано верно» (Долгов В.В., Котляров Д.А., Кривошеев Ю. В., Пузанов В. В. Формирование российской государственности: Разнообразии взаимодействий «центр - периферия» (этнокультурный и социально-политический аспекты). Екатеринбург, 2003. С. 413).

131

Авторы подобных высказываний даже не замечают, что приписывают Александру свои собственные знания и взгляды (а возможно, и заблуждения). Говоря о безнадежности сопротивления Орде, они забывают, что Александру противостояла не вся мощь Великой

Монгольской империи, как это было во время нашего нашествия, а лишь западный ее улус, отношения которого с Каракорумом были непростыми. Конечно, и это был достаточно грозный и опасный противник, но без содействия русских князей, и прежде всего Ярослава Всеволодовича и Александра Ярославича, мощь его была не столь велика, как объединенные силы Чингизидов. К тому же, если уж «сопротивление могущественному внешнему противнику для князя - не только вопрос личного мужества, а еще и вопрос ответственности перед вверившим ему власть населением города», а потому «он не имеет права рисковать жизнями и судьбами людей»³², то зачем же тогда сдавать город этому самому противнику, да еще и просить у того помощи для подавления сопротивления себе самому (как это было, скажем, во времена Неврюевой рати)? Впрочем, тут можно спорить и спорить. Более важным представляется другой момент.

Размышляя о политической прозорливости Александра, избравшего верный путь дальнейшего развития русских земель, нынешние историки, приписывающие князю заботу о грядущих столетиях, когда станет возможным освобождение от власти Орды (о котором знают они, историки, но даже не подозревают современники Александра), забывают, что время княжения Александра воспринималось современниками (и, скорее всего, им самим) как последнее. Достаточно вспомнить высказывания старшего современника Александра, Серапиона Владимирского, с горечью взывавшего тогда к своей пастве:

«Слышасте, братье, самого Господа, глаголяща въ Евангелии: "И въ последняя лета будет знаменья въ солнци, и в луне, и въ звездахъ, и труси по местомъ, и глади". Тогда сеченное Господомъ нашимъ ныня збысться — при насть, при последнихъ пюдех. Колико видехомъ солнца погибша и луну померькъшую, и звездное пременение! Ныне же земли трясенье своима очима видехомъ; земля, от начала оутвержена и неподвижима, повеленьемъ Божиимъ ныне движеться, грехы нашими колеблется, безаконья нашего носити не можетъ. ...Се оуже наказаетъ ны Богъ знаменья, земли трясеньемъ Его повеленьемъ: не глаголетъ оусты, но дель наказаетъ. Всемъ казнивъ ны, Богъ не отведеть злаго обычая. Ныне землею трясеть и колеблеть, безаконья грехи многая от земля отрясти хочеть, яко лествие от древа. Аще ли кто речеть: "Преже сего потрясения беша и рати, и пожары быша же", рку: "Такое есть. но - что потом бысть намъ? Не глад ли? не морови ли? не рати ли многыя? Мы же одинако не покаяхомъся, дондеже приде на ны языкъ немилостивъ попустившю богу; и землю нашу пуоту створша, и грады наши плениша, и церкви святыя разориша, отца и братью нашу избиша, матери наши и сестры в поруганье быша". Ныне же, братье, се ведуще, оубоимъся прощенья сего страшнаго и припадемъ Господеви своему исповедающесь: да не внидем в болши гневъ Господень, не наведемъ на ся казни болша первое»³³

32 Долгов В.В., Котляров ДА, Кривошеев Ю.В., Пузанов В.В. Формирование российской государственности. С. 412.

33 Слово преподобного отца нашего Серапиона // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С 440, 442

132

Никакого потом для людей того времени не существовало. Никакого освобождения от нечистых народов, нашествие которых должно было завершиться воцарением антихриста, не предвиделось. Наступили последние времена. А потому и выбирать путь дальнейшего развития не приходилось. Эта мысль с предельной ясностью выражена в словах митрополита Кирилла, произнесенных якобы во время погребения князя: «"Чада моя, разумеите, яко уже заиде солнце земли Суздальской!"». На что присутствовавшие здесь «иереи и диаконы, черноризци, нищий и богатии и вси людие глаголааху; "Уже погыбаемь!"» И «бысть же вопль, и кричание, и туга, яка же несть была, яко и земли потрястися», - заключает агиограф³⁴. Фразеология этого фрагмента Жития восходит к библейским пророчествам Амоса и Иеремии, а также к апокрифическому Откровению Мефодия Патарского, предсказывающих самое скорое (если не немедленное) наступление последних времен³⁵. Смерть Александра знаменовала в глазах автора житийной повести и ее читателей богооставленность Русской земли и прекращение человеческой истории.

Пренебрежение подобными различиями в восприятии мира древнерусским книжником и современным исследователем, в их историческом сознании и памяти

чревато самыми серьезными заблуждениями и ошибками.

34 Повести о житии... Александра. С. 438.

35 Подробнее см.: Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV вв.): Курс лекций. М., 2001.

Приложение 2

Г.В. Вернадский

Первые параграфы из книги "Начертание русской истории"

Впервые опубликовано // Начертание русской истории. - Прага, Евразийское книгоиздательство 1927, Ч. 1. 264 с.

Текст приводится по изданию: Вернадский Г. В. Начертание русской истории. - СПб.: Издательство "Лань", 2000. - 320 с. - (Мир культуры, истории и философии).

§ I. Творец русской истории - русский народ.

Развитие русского народа в последовательной поступи времен и есть собственный предмет русской истории. Русский народ рос и развивался не в безвоздушном пространстве, а в определенной среде и на определенном месте. Если посмотреть на этнографическую карту расселения русского племени к началу XX века, мы увидим, что к этому времени рамки расселения русского племени почти совпадают с границами русского государства - Российской Империи. Лишь незначительные части русского племени оставались вне этих границ - например Галиция, Угорская Русь, Буковина в составе прежней Австро-Венгрии, ныне в составе Польши, Румынии и Чехословакии. Большая часть русского племени после падения Российской Империи осталась в рамках Союза Советских Республик, но значительные группы отошли после войн 1914-1920 гг. - к Польше, Румынии, Литве, Латвии, Эстонии и Финляндии. Не случайна связь народа с государством, которое

этот народ образует, и с пространством, которое он себе усваивает, с его месторазвитием. Исторический процесс стихийен: в основе своей он приводится в движение глубоко заложенными в нем силами, не зависящими от пожеланий и вкусов отдельных людей (да и сами эти пожелания и вкусы входят в общую экономию исторического процесса). Жизненная энергия, заложенная в каждой народности, стремится к своему наибольшему проявлению. Каждая народность оказывает психическое и физическое давление на окружающую этническую и географическую среду. Создание народом государства и усвоение им территории зависит от силы этого давления и от силы того сопротивления, которое это давление встречает. Русский народ занял свое место в истории благодаря тому, что оказывавшееся им историческое давление было способно освоить это место. Итак, основные элементы русской истории: а) Степень давления русской народности на окружающую среду; б) Степень сопротивления, которая была противопоставлена окружающей средой. Нужно, следовательно, принимать во внимание не только внутреннее развитие самой русской народности, но также и внешнюю историческую среду (географическую, этническую, хозяйственную и пр.), где происходило развитие этой народности. Географические рамки развития русской народности чрезвычайно широки. Эти рамки гораздо шире того, что называется "Европейской Россией". Понятие "Европейской России" есть искусственно созданное в XVIII-XIX веках в европейской и русской исторической и географической науке понятие. Понятие "Европейской России" ни в один исторический момент не соответствовало дей-

ствительному распространению русского племени. "Россия" в смысле территории русского племени никогда не совпадала с рамками "Европейской России". Наше историческое сознание свыклось с мыслью, что территория "Европейской России" как бы самой природой (равнина в естественных границах) предназначена была для образования единого государства. Мысль эта, однако, в корне ошибочна уже потому, что "Европейская Россия" естественных границ к востоку не имеет: географический характер "Европейской" и сопредельной "Азиатской" России один и тот же. По сю и по ту сторону Камня ("Уральского хребта") - те же горизонтальные почвенно-ботанические зоны: тундра, лес, степь. Урал "благодаря своим орографическим и геологическим особенностям не только не разъединяет, а наоборот, теснейшим образом связывает" Доуральскую и Зауральскую Россию. Нет "естественных границ" между "Европейской" и "Азиатской" Россией. Следовательно нет двух России, "Европейской" и "Азиатской". Есть только одна Россия "евразийская", или Россия - Евразия. Евразия и представляет собою ту наделенную естественными границами географическую область, которую в стихийном историческом процессе суждено было усвоить русскому народу.

§2. Евразия как географическая основа развития русского народа

Под названием Евразии здесь имеется в виду не совокупность Европы и Азии, а именно Срединный Материк как особый географический и исторический мир. Этот мир должен быть отделяем как от Европы, так и от Азии [\[+1\]](#). Географически этот мир может быть определен, как система великих низменностей-равнин

(беломорско-кавказской, западно-сибирской и туркестанской). В почвенно-ботаническом отношении можно разделить пространство Евразии на длинные полосы не в направлении градусов долготы (как несуществующая граница между Европой и Азией), а в направлении широты.

Главнейшие из этих полос ("зон") суть следующие:

а) Безлесная тундра, тянущаяся вдоль побережья Ледовитого океана. Узкая на западе (Кольский полуостров), эта полоса расширяется к востоку;

б) Лесная зона (оставляю в стороне менее существенные подразделения лесной зоны на различные области хвойных и лиственных пород). Южная граница - от Южных Карпат по линии приблизительно городов Киев, Казань, Тюмень, а оттуда - к Алтаю и вдоль северных границ монгольских степей и пустынь;

в) Степная зона (с черноземными и каштановыми почвами), к югу от границы лесов (между лесной и степной зоной различают еще обыкновенно "предстепье" - дубовое в Доуральской России, березовое в Сибири). Леса в небольшом количестве - лишь по долинам рек и балкам (степным оврагам);

г) Зона безлесных пустынь (арало-каспийских и монгольских). Подобно северной полосе тундры, эта полоса пустынь шире на востоке и сходит на нет к западу.

Область тундры имеет небольшое значение для русской истории, как и для истории Евразии вообще.

Область пустынь играет большую роль в истории Евразии, в значительной мере обуславливая собою направление движений кочевых племен Евразии. Однако для истории русского народа область евразийских пустынь непосредственной роли почти не играет

до XVIII века и собственно имеет значение лишь для истории XIX века. Зато географической основой русской истории является соотношение лесной и степной полосы, борьба леса и степи.

В настоящее время между этими двумя зонами нет резкой границы с точки зрения хозяйства, особенно в России Доуральюкой. Одинаково, и в лесной и в степной зоне, преобладающее значение имеет земледелие (по крайней мере в южной части лесной зоны). В прежние времена лесная и степная зона, наоборот, резко разделялись в хозяйственном отношении. Лесная зона была первоначально областью охотников, степная - скотоводов. Лесные племена, занимавшиеся охотой, должны были играть меньшую роль в истории Евразии уже благодаря своей меньшей численности (так как занятие охотой требует большей площади на каждого жителя, чем занятие скотоводством).

Итак первоначально скотоводческое хозяйство играло первенствующую роль в общей экономике Евразии. Кочевые народы монголо-турецкого и отчасти иранского корня, занимавшиеся преимущественно скотоводством, и являлись поэтому главными деятелями Евразии до образования русского государства.

Земледелие в хозяйственной истории Евразии вдвигалось клином между лесом и степью. (Совершенно особенно стояла южная окраина Евразии - Хорезмская область - один из древнейших на земле центров культуры хлебных злаков).

Русский народ выступает в истории Евразии преимущественным носителем земледельческой культуры. Не надо забывать, однако, что хозяйственно освоить территорию Евразии русский народ мог лишь потому, что

наряду с земледелием он всегда занимался посредничеством между лесными промыслами и степным скотоводством. Русский народ - не только народ-пахарь, он также лесопромышленник и скотовод, и народ-посредник между разными хозяйственно-природными областями, народ-торговец. Именно вследствие этой торговой роли русского народа в его исторической жизни такое значение имели торговые пути, и прежде всего - естественные пути, объединяющие лес и степь, - то есть великие реки с их притоками, Волга, Днепр, а впоследствии также Обь с Иртышом, Енисей, Лена, Амур и др. Географические особенности Евразии во многом предопределили ход исторического развития русского народа.

Примечания

[\[+1\]](#) Соответственно с этим, "Западная Европа" всюду ниже называется просто "Европою", а "Южная" и "Юго-Восточная" Азия (Аравия, Персия, Индия, Китай) - просто Азией. Весь Старый Свет - совокупность Европы, Евразии, Азии и Северной Африки (Египет и пр.) - покрывается понятием Икумены (Oecumene ику мени-Вселенная византийцев).

СПИСОК РЕКОМЕНДОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ КО ВСЕМУ КУРСУ

1. Источники

Повесть временных лет // Памятники литературы древней Руси. Начало русской литературы: XI - начало XII века. М., 1978.

Сказания о начале славянской письменности. – М., 1981.
Избранные жития русских святых (X-XV века). М., 1992.

Иларион. Слово о Законе и Благодати. – М., 1994.

Слово о полку Игореве. – М., 1985.

Сергий Радонежский: Сборник. – М., 1991.

Преподобный Иосиф Волоцкий. Просветитель. – М., 1993.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993.

Жизнеописания достопамятных людей земли Русской (X-XX века). – М., 1991.

Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников. – М., 1989.

Бунташный век. М., 1983.

Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век. – М., 1988.

Со шпагой и факелом: дворцовые перевороты в России. 1725-1825 гг. – М., 1991.

Недаром помнит вся россия: К 175-летию Отечественной войны 1812 года. – М., 1987.

Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. – М., 1993.

Дневник императора Николая II. – М., 1990.

Страна гибнет сегодня: Воспоминания о Февральской революции 1917 года – М., 1991.

2. Учебные пособия

Беллярминов И. И. Курс русской истории (элементарный). – М., 1994.

Бутромеев В. Русская история для всех: Опыт краткого описания в легендах, именах и важнейших событиях. – М., 1994.

Иловайский Д. И. Очерки отечественной истории. – М., 1995.

Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в 3-х кн.– М., 1992-1993.

Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. – М., 1993.

Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. – М., 1990.

Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций: Учебное пособие для вузов. – Брянск, 1999.

Соловьев С. М. Общедоступные чтения по русской истории. – М., 1992.

3. Обобщающие труды

Митрополит Иоанн. Самодержавие духа. – СПб., 1994.

Митрополит Вениамин (Федченков). О вере, неверии и сомнении. – СПб., 1992.

Архиепископ Серафим (Соболев). Русская идеология. – СПб., 1992.

Епископ Николай (Велимирович). Святой Владимир - Креститель русских //Журнал Московской Патриархии. 1997. № 7.

Архимандрит Константин (Зайцев). Чудо русской истории // Литературная учеба. 1994. № 2.

Игумен Иоанн (Экономцев). Православия, Византия, Россия. – М., 1992.

- Протоиерей Лев Лебедев.* Москва патриаршая. – М., 1995.
- Вернадский Г. В.* Россия в средние века. — Тверь, М., 1997.
- Гумилев Л. Н.* От Руси к России: очерки этнической истории. – М., 1992.
- Зызыкин М В.* Царская власть и закон о престолонаследии в России. – София, 1924.
- Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М., 1991.
- Карамзин Н. М.* Предания веков. – М., 1988.
- Неизвестная Россия 1825-1917. Николай Тальберг. Очерки истории Императорской России от Николая I до Царя-Мученика. – М., 1995.
- О России и русской философской культуре: Философии русского послеоктябрьского зарубежья. – М., 1990.
- Русская идея. – М., 1992.
- Тальберг Н. Д.* Святая Русь. – СПб., 1992.
- Творогов О. В.* Древняя Русь: События и люди. – СПб., 1994.
- Три века: Россия от Смуты до нашего времени. М., 1991.

Научное издание

С.М. Усманов

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ
ЭПОХИ РЮРИКОВИЧЕЙ:
ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, УРОКИ
ПРОШЛОГО**

*Учебное пособие
спецкурса по отечественной истории*

ISBN 978-5-8382-0769-2

Формат 60x84/16

Бумага писчая. Гарнитура «Constantia». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 6,5 Уч.-изд.л. 3,57 Тираж 100 экз.

Отпечатано с оригинала-макета ОАО «Информатика»

г. Иваново, ул. Ташкентская, 90